

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1976

В данном труде авторы характеризуют различные этапы истории социалистических учений XVI—XIX вв., прослеживают исторические судьбы идей утопического социализма, показывают, как развитие марксизма шло рука об руку с преодолением утопизма рабочим движением. Сборник продолжает линию, намеченную в двух предыдущих изданиях, вышедших под таким же названием в 1962 и 1964 гг. и освещавших роль социалистов-утопистов в истории общественной мысли и борьбу марксизма за торжество коммунистических идей.

Редакционная коллегия:

П. Т. БЕЛОВ, Л. И. ГОЛЬМАН,
Г. С. КУЧЕРЕНКО (ответственный редактор),
В. А. МАЛИНИН, М. И. МИХАЙЛОВ, А. Э. ШТЕКЛИ

Научно-техническую работу по сборнику вели
Э. И. ВАЛИЧ и В. Ф. МОРДВИНЦЕВ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

	Предисловие	3
Г. И. Кириллов	В. И. Ленин о преодолении марксизмом воззрений утопического социализма в рабочем движении	5
Н. Ю. Колпинский.	Маркс и Энгельс о Мадзини	22
И. В. Григорьева.	«Письма об историческом материализме» Ф. Энгельса и итальянская социалистическая мысль	38
Л. С. Чиколини.	Идея общности имущества и споры о золотом веке в итальянской литературе XVI — начала XVII столетия	51
А. Э. Штекли.	«Город Солнца» и «Звездный вестник»	63
Т. А. Павлова.	Уравнительные идеи в политической литературе Второй английской республики	100
Г. С. Кучеренко.	Изучение Жана Мелье: итоги и задачи	124
Э. И. Валлич.	Из истории радикальной утопической мысли в России конца XVIII в.	136
Л. В. Борщевский.	К вопросу об отношении Фурье к собственности при строе гармонии	154
Н. Е. Застенкер.	Роберт Оуэн как мыслитель	162
М. Н. Захарова.	Роберт Оуэн и оуэнисты в Соединенных Штатах Америки	184
И. Н. Неманов.	Некоторые итоги и проблемы изучения Роберта Оуэна	213
Б. А. Рожков.	Оуэнизм в отношении к чартизму	240
В. В. Галкин.	Последователи Роберта Оуэна в Англии и их вклад в развитие социалистической мысли	247
М. А. Авдеева.	Идеи Фурье в США	269
М. И. Михайлов.	Социальная утопия Вильгельма Вейтлинга и его деятельность	284
Е. Е. Козлова.	Левый прудонизм как идейное течение в рабочем движении Франции накануне Парижской Коммуны	308
Б. С. Ерасов.	Социальное содержание социалистических теорий в афро-азиатских странах	326
Е. Л. Рудницкая.	Из наследия утопического социалиста Н. В. Соколова	366
	Список сокращений	380
	Указатель имен	381

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Место «Города Солнца» в истории социалистической мысли, казалось бы, давно определено. Ф. Энгельс, имея в виду Т. Мора и Т. Кампанеллу, писал, что утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII вв.—это теоретические выступления, сопровождавшие самостоятельные движения «того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»¹. Многие историки по праву видели в Кампанелле одного из предтеч научного социализма. С этой позиции, как правило, в советской историографии и оценивалось важнейшее произведение Кампанеллы². Известно, что В. И. Ленин находил в «Городе Солнца» идеи, которые представляют не только исторический интерес³. О внимании к наследию замечательного мыслителя говорит и то, что в личной библиотеке Ленина имелись «Город Солнца» и книга, посвященная его творцу⁴.

Изучение жизни и творчества Кампанеллы ставит перед исследователями множество задач. Издание ряда произведений, более 300 лет остававшихся неопубликованными, дает пищу для новых споров. С еще большей остротой встает давний вопрос о правильном истолковании его наследия. Мыслитель, 33 года просидевший в тюрьме как узник инквизиции и создавший большинство своих произведений, находясь за решеткой, не мог, разумеется, в силу специфических условий говорить во весь голос⁵. Лишь благодаря симуляции безумия он избежал костра. Кампа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 191.

² В. П. Волгин. Коммунистическая утопия Кампанеллы. Вступ. статья в кн.: Кампанелла. Город Солнца. Пер. с лат. и комментарии Ф. А. Петровского. М., 1954; В. А. Дунаевский, Б. Ф. Поршнев. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии.— В кн.: «История социалистических учений». М., 1964.

³ «О монументальной пропаганде». Беседа В. И. Ленина с А. В. Луначарским.— «Литературная газета», 1933, № 4—5.

⁴ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961, стр. 163, 174.

⁵ Обосновал этот тезис Л. Амабиле, лучший биограф Кампанеллы. См.: L. Amabile. Fra Tommaso Campanella, la sua congiura, i suoi processi e la sua pazzia, vol. I—III. Napoli, 1882 (далее — Congiura); *idem*. Fra T. Campanella ne'Castelli di Napoli, in Roma ed in Parigi, vol. I—II. Napoli, 1887 (далее — Castelli).

нелла признавался, что был вынужден высказывать подчас вещи, в которые не верил. Путь открытой пропаганды своих воззрений был для него заказан. Тогда он прибег к хитрости и стал пропагандировать дорогие его сердцу мысли под видом их опровержения⁶.

Еще при жизни его называли «философом в маске»⁷. Кто же он все-таки? Мятельный вольнодумец, восставший против схоластики и церковной догмы, еретик, которого почти всю жизнь преследовала инквизиция, или ортодоксальный католик, только и помышлявший что о благе церкви? Бунтарь, мечтавший в результате народного восстания установить в Калабрии коммунистическую республику, или одержимый пророчествами Апокалипсиса визионер, более всего желавший объединить все человечество в «одну паству» под эгидой римского первосвященника? И как, следовательно, понимать «Город Солнца» — как выдающееся произведение раннего утопического коммунизма или как часть реакционной утопии о всемирной папистской монархии? Что видеть в «Городе Солнца»: рассказ, пусть и в несколько измененной форме, о той самой коммунистической республике, которую Кампанелла хотел, изгнав испанцев, установить у себя на родине, как утверждал Л. Амабиле⁸, или только «пропедевтику и катехизис для будущего идеального христианского теократического государства», как уверяет католический историк Р. Америо?⁹

Попытки толковать «Город Солнца» как лишь часть более широкой утопии Кампанеллы, этого якобы «философа католической реставрации»¹⁰, грезившего о всемирной папистской монархии, все чаще и настойчивее переносятся из специальных изданий в книги, рассчитанные на обширную аудиторию. В переведенном у нас «Философском словаре» Генриха Шмидта можно, к примеру, прочесть: «Кампанелла — доминиканец строго церковного толка, защищал идею папско-католической единой монархии, которой должны подчиняться все национальные государства. ... В своей книге «Город Солнца» Кампанелла рисует картину совершенного государства в христианско-коммунистическом духе, в котором господствуют священники-философы (во главе с папой, олицетворяющим собой идеал). Иезуиты во время своего господства в Парагвае (1688—1768) пытались создать такой „Город Солнца“»¹¹.

Подобные домыслы, показывающие, что их автор вряд ли и читал когда-нибудь «Город Солнца» (чего стоит одно лишь утвер-

ждение, будто во главе описанного там государства стоит папа!), тоже в определенной степени отражают тенденцию, характерную для ряда буржуазных кампанелловедов. Романо Америо и Джованни Ди Наполи, видных знатоков творчества Кампанеллы, смешно было бы, разумеется, подозревать в недостаточной компетенции. Однако их крайняя тенденциозность становится очевидной, стоит только внимательно сравнить защищаемые ими выводы с документами, на основании которых они будто бы сделаны. Дж. Ди Наполи, профессор-иезуит, идет на самое беззастенчивое передергивание¹², дабы сделать из еретика Кампанеллы верного сына церкви, «философа католической реставрации».

Пересмотр несомненных достижений прежней историографии идет теперь как правило под флагом «большей научности», «более тщательного изучения источников». Это обязывает советских историков утопического социализма не только показывать, что в действительности кроется за таким «более научным подходом»¹³, но и самим кропотливо исследовать весь новый документальный материал, изучать не публиковавшиеся прежде источники и критически оценивать лучшие издания текстов.

В старательно создаваемом клерикальными историками представлении о Кампанелле как «идеологе контрреформации» видное место занимает попытка изобразить его прежде всего богословом. Уверяют, что внимание Кампанеллы к изучению природы — это не интерес натурфилософа, а в первую очередь интерес теолога.

На рубеже XVI—XVII вв. величайший конфликт между наукой и церковью разразился из-за споров о строении вселенной. Кампанелла, как известно, выступил в защиту Галилея. Однако некоторые буржуазные историки заявляют, будто движим он был не тревогой за судьбу научных исследований, а лишь заботой о том, чтобы церковь не потерпела ущерба. В этой связи настойчиво твердят, что, и выступая в поддержку Галилея, Кампанелла не был сторонником Коперниковой системы. Тем самым сложная эволюция космологических воззрений Кампанеллы подается в превратном освещении, а история его взаимоотношений с Галилеем утрачивает свою суть.

Наследие Кампанеллы нельзя понять, если не учитывать не только специфических условий, в которых узник инквизиции писал свои произведения, но и — что особенно важно — той созданной церковью атмосферы террора, которая удушала свободную мысль и не давала говорить во весь голос. Настоящая статья, в развитие этого основного тезиса, преследует двойную цель: во-первых, показать, как на самом деле Кампанелла относился к

⁶ Castelli, I, p. XXXVII, 19, 29, 163, 438; II, p. 60—61, 81, 167; II. Documenti, p. 98, 245.

⁷ Castelli, II, p. 95.

⁸ Congiura, I, p. 220—225; III, p. 609—612.

⁹ G. Bruno e T. Campanella. Opere, a cura di A. Guzzo e di R. Amerio. Napoli, 1956, Nota bibliografica, p. 783.

¹⁰ G. Di Napoli. T. Campanella, filosofo della restaurazione cattolica. Padova, 1947.

¹¹ «Философский словарь». Сокр. пер. с нем. М., 1961, стр. 273.

¹² G. Di Napoli. L'eresia e i processi campanelliani.— In: «Tommaso Campanella (1568—1639). Miscellanea di studi nel 4 centenario della sua nascita». Napoli, 1969, p. 169—258.

¹³ Г. С. Кучеренко, И. Н. Осиповский, А. Э. Штекли. О некоторых тенденциях в изучении социалистов-утопистов.— В кн.: «Критика современной буржуазной и реформистской историографии». М., 1974, стр. 50—102.

открытиям Галилея, и, во-вторых, продемонстрировать, что в текстологии «Города Солнца» далеко не все еще решено.

Изучение темы «Город Солнца» и «Звездный вестник» важно и потому, что позволяет уточнить существенные моменты в эволюции космологических представлений великого калабрийца и пролить определенный свет на его взаимоотношения с Галилеем, т. е. на проблему, которая хотя неоднократно и обсуждалась историками¹⁴, но еще не стала предметом досконального специального исследования. Кроме того, рассмотрение поставленной темы дает возможность по-новому прочесть некоторые, на наш взгляд, немаловажные страницы в истории науки начала XVII столетия.

Когда мы говорим, что научный коммунизм вобрал в себя все лучшее, что было создано человеческой мыслью за многовековую историю, то можем в известной мере применить это положение и к наиболее выдающимся произведениям утопического социализма. Великие утописты тем и велики, что свои гениальные прозрения они основывали как на неприятии существующей действительности, так и на всем том лучшем, что находили у своих предшественников.

Томмазо Кампанелла, создатель одной из самых ярких коммунистических утопий, провозгласивший, что на смену эксплуататорским порядкам придет строй, где не будет частной собственности, был проводимцем не только в социальной области — осуществились и его мечты о научных достижениях и изобретениях. Здесь нет ничего удивительного. Мятежный философ, несмотря на горестную свою судьбу, всегда жадно интересовался новейшими успехами ученых, ибо был глубоко убежден, что создание государства, основанного на коммунистических принципах, неразрывно связано с небывалым расцветом наук.

* * *

В середине марта 1610 г. Галилеус «Звездный вестник» возвестил миру о начале новой научной эры¹⁵. Создав зрительную трубу, пригодную для наблюдений неба, и совершив первые сенсационные открытия, Галилей стал отцом телескопической астрономии. «Звездный вестник» поразил современников. Открытие огромного количества звезд, невидимых простым глазом, разгадка

¹⁴ R. Amerio. Galileo e Campanella.— «Nel terzo centenario della morte di Galileo Galilei». Milano, 1942, p. 299—326; R. De Mattei. Campanella e Galileo.— «Almanacco Calabrese», Roma, 1964, p. 77—83; L. Firpo. Campanella e Galileo.— In: T. Campanella. Apologia di Galileo, a cura di L. Firpo. Torino, 1968, p. 7—26; A. X. Горфункель. Томмазо Кампанелла. М., 1969; его же. Натурфилософия Итальянского Возрождения. Докт. дисс. М., 1973.

¹⁵ G. Galilei. Sidereus Nuncius. Venetiis, 1610. Сочинения Галилея цитируются по изданию: Le opere di Galileo Galilei. Ristampa della edizione nazionale, vol. I—XX. Firenze, 1929—1939 (далее — Galilei. Ed. Naz.). Римская цифра означает том. Ссылки на русские переводы даются по изданию: Г. Галилей. Избранные труды в двух томах. М., 1964.

тайны Млечного пути, обнаружение на Луне гор и впадин удивляли, пожалуй, не меньше, чем открытие «планет, вращающихся вокруг Юпитера», т. е. его спутников, названных Галилеем Медицейскими звездами. Эта ошеломляющая новость не укладывалась в сознании.

Испокон веков считали, что планет только семь, что все они обращаются вокруг недвижимой Земли, единственного центра всех небесных движений, что переносятся планеты хрустальными сферами, которые, вращаясь одна в другой, создают восхитительную гармонию вселенной. И теперь все это рушилось. Хрустальные сферы, разбитые дерзновенной мыслью Джордано Бруно, были вконец сокрушены зрительной трубой Галилея. Раз Медицейские звезды беспрепятственно движутся вокруг Юпитера, проходя сквозь «Юпитерову сферу», они воочию доказывают, что ее на самом деле-то и нет!¹⁶

Спутники Юпитера наносили смертельный удар космологической схеме, созданной на основе воззрений Аристотеля и Птолемея. Галилей открывал невиданную картину вселенной. Поэтому его «Звездный вестник» — и это сознавали многие современники — явился важнейшим событием в духовной жизни Европы.

«Город Солнца» был написан за 8 лет до «Звездного вестника», а издан 13 лет спустя после его появления. Кампанелла, уверяют наиболее авторитетные текстологи, постоянно вносил различные добавления. Считается, что знакомство Кампанеллы с открытиями Галилея отразилось как в окончательной редакции итальянского текста, так и в дополнении, сделанном при переводе его на латинский язык¹⁷. Узнав об изобретении Галилеем телескопа, Кампанелла будто бы откликнулся «вставкой об ожидании зрительной трубы». Прежде в тексте говорилось, что солариум — цитируемом по лучшему русскому изданию — «уже изобрели искусство летать — единственно, чего, кажется, недоставало миру»; позже Кампанелла добавил: «а в ближайшем будущем ожидают изобретения подзорных труб, при помощи которых будут видимы скрытые звезды, и труб слуховых, посредством которых слышна будет гармония неба»¹⁸.

Однако анализ аргументов, высказанных в подтверждение этой точки зрения, заставляет нас прийти к выводу, что здесь явное недоразумение: латинское *ocularia* не следует переводить как «подзорные трубы» (*ocularia* в начале XVII в. значило «очки»), а итальянское *occhiale* лучше понимать как «окуляр» — некое оптическое устройство, предшествовавшее изобретению зри-

¹⁶ Galilei. Ed. Naz., XI, p. 99, 145.

¹⁷ T. Campanella. La Città del Sole, a cura di N. Bobbio. Torino, 1941, p. 19—20, 22—23. Во всех случаях, когда не сделано специальной оговорки, ссылки на итальянский (La Città del Sole) и латинский (Civitas Solis) тексты «Города Солнца» даются по этому изданию. Вводная статья Н. Боббио и его комментарии цитируются далее как N. Bobbio. Ed. cit.

¹⁸ Кампанелла. Город Солнца, стр. 120—124.

тельных труб¹⁹. *Осциале* существовало в итальянском языке и до изобретения Галилеем его инструмента. Поэтому «вставка об ожидании окуляра», может быть, вовсе и не отзыв знакомства Кампанеллы со «Звездным вестником».

Работая над латинским переводом, гласит второй тезис, Кампанелла внес новое дополнение, которому придается решающее значение при оценке космологических воззрений автора «Города Солнца»: соларики «не уверены ни в том, является ли Солнце центром нижнего мира, ни в том, неподвижны или нет центры орбит других планет, ни в том, обращаются ли вокруг других планет луны, подобные обращающейся вокруг нашей Земли, но непрестанно доискиваются тут истины»²⁰.

Галилей считал, что его открытия служат серьезным подтверждением Коперниковой системы и в «Звездном вестнике» впервые в жизни печатно объявил себя ее сторонником²¹. Он дал обет в своей будущей «Системе мира» привести еще более подробные доказательства того, что Земля светится отраженным солнечным светом. Он делает это для тех, «кто болтает, будто Землю должно устранить из сонма светил главным образом по той причине, что она лишена и движения и света. Шестьюстами доказательствами и натурфилософскими рассуждениями мы подтвердим, что Земля движется и своим светом превосходит Луну, а не является местом, где скопляется грязь и подонки всего мира»²².

Галилей в «Звездном вестнике» пылко пишет о близком торжестве гелиоцентрической системы, а Кампанелла, познакомившись с его книгой, не находит ничего лучшего, как добавить в текст «Города Солнца» несколько строк о сомнениях соларики: «они-де не уверены, является ли Солнце центром нижнего мира?»

«Звездным вестником» возмущались не менее горячо, чем восторжались. Того, что там написано, просто не может быть! Если Галилей и не откровенный обманщик, то, по крайней мере, жертва собственного легковерия: его ввели в заблуждение обманчивые свойства оптических стекол²³. Галилеевы открытия объявляли недоказанными²⁴. Правда, постепенно все больше людей убеждалось в правоте Галилея. В декабре 1610 г. математики Римской коллегии, этого оплота иезуитов, признали Медичейские звезды планетами²⁵, а в мае следующего года, когда Галилей находился в

Риме, они устроили ему торжественное чествование²⁶. Однако среди тогдашних перипатетиков, воинственных приверженцев плохо понятого Аристотеля, яростные крики не затихали. У философско-схоластов и богословов открытия Галилея продолжали вызывать неприязнь и недоверие. Возмущало его желание доказать движение Земли. Существование Медичейских звезд подвергалось сомнению²⁷. Луны, наподобие нашей, вращающиеся вокруг Юпитера? Это казалось совершенно невозможным.

Такие голоса раздавались из стана самых яростных врагов «новой философии». «Звездный вестник» стал тем пробным камнем, на котором испытывались убеждения.

Мы привыкли видеть в Кампанелле человека передовых научных воззрений, бесстрашно отстаивающего истину. Тем с большим удивлением читаем мы в «Городе Солнца», что соларики «не уверены, обращаются ли вокруг других планет луны, подобные обращающейся вокруг нашей Земли».

Ф. А. Петровский так комментирует это место: «Слова «обращаются ли вокруг других планет луны» — намек на открытие Галилеем спутников Юпитера. Так как это открытие было опубликовано в 1610 г., то понятно, что в первоначальном тексте «Города Солнца», написанном около 1602 г., ничего о планетных спутниках не говорится»²⁸.

Если мы вспомним, что, по широко распространенному мнению, Кампанелла перевел «Город Солнца» на латинский язык в 1613 г.²⁹, то вынуждены будем прийти к несколько неожиданному выводу: единственное, чем в «Городе Солнца» откликнулся Кампанелла на знакомство со «Звездным вестником», помимо загадочного упоминания об ожидаемом изобретении окуляра, — это ясно выраженное сомнение относительно величайшего открытия Галилея, открытия спутников Юпитера. И это два года спустя после того, как даже ученые-иезуиты Римской коллегии, убедившись в правоте Галилея, превозносили его до небес за это открытие лун, вращающихся вокруг Юпитера! Выходит, Кампанелла принадлежал к лагерю тех, кто наиболее упорно и долго сомневался в существовании Медичейских звезд.

Продолжая свой комментарий, Ф. А. Петровский пишет: «Об этом открытии (не называя, однако, Галилея) говорит Кампанелла и в своей «Астрологии» (1630), упоминая не только о четырех спутниках Юпитера, открытых при помощи телескопа, но и о двух спутниках Сатурна, за которые на самом деле были приняты части его кольца»³⁰.

¹⁹ В данном случае слово «окуляр» употребляется не в обычном для нас смысле, не просто как часть оптического прибора, как стекло, обращенное к глазу наблюдателя, а как весь прибор целиком.

²⁰ Кампанелла. Город Солнца, стр. 112.

²¹ А. Шрекли. Галилей. М., 1972, стр. 74.

²² Galilei. Ed. Naz., III, parte I, p. 75; Галилей. Избранные труды, т. I, стр. 35.

²³ Galilei. Ed. Naz., V, p. 95.

²⁴ Ibid., III, parte I, p. 140—145.

²⁵ Ibid., X, p. 484—485.

²⁶ Ibid., III, parte I, p. 291—298; XI, p. 162—163.

²⁷ Ibid., p. 201—250; М. Я. Выгодский. Галилей и инквизиция. М.—Л., 1934, стр. 36—39.

²⁸ Кампанелла. Город Солнца, стр. 205.

²⁹ Там же, стр. 182.

³⁰ Там же, стр. 205.

Неужели лишь через 20 лет после опубликования «Звездного вестника» Кампанелла впервые высказал уверенность в существовании спутников Юпитера?

Дальнейшее комментирование этого отрывка Ф. А. Петровским еще более сгущает краски: «Для астрологических соображений Кампанеллы было решительно безразлично (как он сам говорит), обращается ли Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца, так как для его выводов важно было только видимое или чувственно воспринимаемое движение, а не то, как оно происходит на самом деле»³¹. Картина становится совсем мрачной, когда, прочитав этот комментарий, мы сопоставим его с утверждением, что Кампанелла не понимал сущности учения Коперника и Галилея³².

В новой итальянской историографии тоже заметно стремление изобразить Кампанеллу «безразличным» к тому, как на самом деле устроена вселенная, и представить его интерес к космологии если не как интерес астролога, то как интерес богослова. «Кампанелла, — пишет Р. Америо, — не присоединился к Галилеевой астрономической системе, впрочем, в космографических концепциях он усматривал лишь схемы небесных явлений, выполняющие чисто прикладную функцию. Совершенные Галилеем астрономические открытия имели для него значение лишь как провиденциальные знамения ожидаемого возрождения и потому, что позволяли окончательно высвободить теологию от аристотелизма, возвратив ее к чистому теологизированию»³³.

Как видим, необходимость внимательно проанализировать фразу о «космологических сомнениях» соляриев выходит далеко за пределы простого комментирования «Города Солнца» и имеет существенное значение для оценки важнейших сторон мировоззрения Кампанеллы, тем более что и в нашей историографии этого не сделано.

Итак, Кампанелла и после знакомства со «Звездным вестником» «не понимал сущности учения Коперника и Галилея», все еще колебался, какую из систем — гелиоцентрическую или геоцентрическую — считать истинной, и даже устами соляриев выражал сомнение относительно существования Юпитеровых лун?

В лучшем русском издании «Города Солнца» перевод интересующей нас фразы нельзя признать удачным: солярии «не уверены ни в том, является ли Солнце центром нижнего мира, ни в том, неподвижны или нет центры орбит других планет, ни в том, обращаются ли вокруг других планет луны, подобные обращающейся вокруг нашей Земли, но непрестанно доискиваются тут истины»³⁴.

³¹ Кампанелла. Город Солнца, стр. 205.

³² Там же, стр. 202.

³³ См. G. Bruno e T. Campanella. Opere, p. 975.

³⁴ Кампанелла. Город Солнца, стр. 112.

Возражения вызывает особенно середина фразы: солярии не уверены «ни в том, неподвижны или нет центры орбит других планет». Здесь досадная неточность: речь идет не о фиксированных центрах, а о фиксированных звездах — *fixae*, что значит «неподвижные звезды», это подлежащее во множественном числе. Такое словоупотребление, когда вместо *stellae fixae* писали просто *fixae*, обычно в научной литературе того времени, да и сам Кампанелла постоянно употребляет слово *fixae* именно в этом смысле, например в «Метафизике» и «Космологии»³⁵.

Значит, фраза переводится следующим образом: «При этом, однако, они не уверены, является ли Солнце центром нижнего мира, и являются ли фиксированные звезды центрами (вращения) других планет, и обегаются ли планеты, подобно тому как наша Земля (Луною), другими лунами, но доньше радеют об исследовании сей истины» (курсив мой. — А. III.)³⁶. Хотя этому отрывку, как мы уже указывали, придается большое значение при характеристике позиции самого Кампанеллы в вопросах космологии, досадная неясность перевода ускользнула от внимания исследователей.

Это уточнение тем более существенно, что в переводе Ф. А. Петровского утрачена суть весьма важной мысли, которая очень волновала Кампанеллу и его современников. Речь идет о том, видеть ли в фиксированных звездах центры собственных планетных систем, видеть ли, говоря словами Бруно, солнца, вокруг которых вращаются, пусть еще и не различимые нами, планеты³⁷. Эта мысль лежала в основе учения о множественности миров и была, как известно, одной из тех, за которые Джордано Бруно поплатился жизнью³⁸. Подобную идею в облачении доктрины о множественности систем единого мира с жаром отстаивал Кампанелла³⁹. Интересно, не правда ли, отметить, что среди вопросов, разрешения которых ищут солярии, были и проблемы, стоявшие жизни неистовому Ноланду?

³⁵ T. Campanella. *Metafisica*, a cura di G. Di Napoli, vol. III. Bologna, 1967, p. 160, 162; *idem*. *Cosmologia*, a cura di R. Amerio. Roma, 1964, p. 74, 94, 108, 124, 136.

³⁶ Латинский текст гласит: «Cum hoc tamen incerti sunt an sol sit centrum inferioris mundi et an fixae sint aliorum centra planetarum et an planetae aliis lunis, sicut tellus nostra, ambientur, sed invigilant adhuc investigationi huius veritatis». — T. Campanella. *Civitas Solis*, p. 156.

³⁷ G. Bruno. *Dialoghi italiani*. Firenze, 1958, p. 436—439; Дж. Бруно. *Диалоги*. М., 1949, стр. 363—366.

³⁸ A. Mercati. *Il sommario del processo di Giordano Bruno*. Città del Vaticano, 1942, p. 79—83, 119; «Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно». Публикация, перевод, вступительная статья и комментарии А. Х. Горфункеля. — «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 6. М., 1958, стр. 373—375, 403.

³⁹ T. Campanella. *Metafisica*, III, p. 158—162; *idem*. *Cosmologia*, p. 72, 74; *idem*. *Apologia pro Galileo*, p. 50 (здесь и далее цитируем по изданию Л. Фирпо — см. выше, прим. 14).

В «Городе Солнца» эта столь любимая Кампанеллой мысль о множественности миров, помимо упоминания о фиксированных звездах как возможных центрах неизвестных планетных систем, выражена и в другом месте: «Относительно существования иных миров за пределами нашего, — пишет Кампанелла, — они находятся в сомнении, но считают безумием утверждать, что вне его ничего не существует, ибо, говорят они, небытия нет ни в мире, ни за его пределами, и с богом как существом бесконечным никакое небытие несовместимо»⁴⁰.

Странное впечатление производит идея о возможном существовании многих миров, хоть и высказанная в осторожной форме, рядом со словами, выражающими неуверенность относительно лун у других планет. Мыслитель, коему дороги прозрения Ноланца, упрямо отказывающийся признать действительные открытия Галилея, которые способствовали подтверждению тех же прозрений?

Но не будем сейчас строить гипотез относительно этой загадки «Города Солнца», а прежде выясним, как воспринял Кампанелла появление «Звездного вестника».

Узник неаполитанской тюрьмы получил книгу с большим опозданием и вскоре послал Галилею пространное письмо⁴¹. Оно датировано 13 января 1611 г. — первые экземпляры «Звездного вестника» были готовы для распространения 10 месяцев назад.

Кампанелла восторженно встретил книгу. Подтвердилось многое, в чем он был убежден! Открытие Медицейских звезд, вращающихся вокруг Юпитера, подкрепляло его мысль о множественности систем. Кампанелла не смог сдержать своей фантазии. Он давно считал, что планеты обитаемы. Их жителям, наверное, тоже кажется, что они находятся в центре вселенной? Как живут обитатели других светил, какая у них астрология и астрономия? Каково у них государственное устройство? Блаженны они или живут, как и мы?

Он сожалел, что не прочел книги Галилея до того, как завершил «Метафизику». Однако и там он писал, что в небе куда больше невидимых для нас систем, чем видимых. Он выражал удовлетворение тем, что хорошо учил в «Метафизике», когда «считал строение мира возможным в соответствии с гипотезой Коперника», хотя тот во многом и ошибался, поскольку кое-какие вещи взял у пифагорейцев, кое-какие у Птолемея, которые, конечно, друг с другом не согласуются. Кампанелла возражал против тезиса о недвижности Солнца: оно должно, по крайней мере, вращаться вокруг собственной оси. Он считал, что никто лучше Галилея не создаст новой астрономии, сетовал на нынешний упадок наук и искусств в Италии и надеялся на их воз-

рождение. Телезий сверг Аристотеля. Птолемей и Коперник поспрашивали в астрономии итальянцев, но Галилей, воссоздав пифагорейское учение, не только вернул родине славу, некогда принадлежавшую пифагорейцам и похищенную плутоватыми греками, но и своей известностью затмил всех на свете. Он снял людям пелену с глаз, показал новое небо и помог увидеть в Луне новую Землю.

Предвидя, что открытия Галилея вызовут ропот богословов, Кампанелла указывал, как защищаться ссылками на отцов церкви. Климент Римский учил, что в небе существуют невидимые для нас звезды. Ориген отзывался с похвалой о пифагорейском учении и подтверждал его текстами Библии. Сам он, продолжал Кампанелла, тоже написал сочинение в трех книгах о философии пифагорейцев, много рассуждал о них и в «Метафизике», написал сочинение в четырех книгах о движении светил, скорее как физик, чем как математик, против Птолемея и Коперника, написал и о симптомах того, что мир должен погибнуть в огне, однако не окончательно погибнуть, а претерпеть некое обновление, как показывают новые феномены. «О, если бы мне дозволено было поговорить об этом с тобой!» С радостью отмечал Кампанелла, что очень многое в Коперниковом учении Галилей улучшил. Все письмо было выдержано в восторженных тонах.

Что же получается? Кампанелла, считавший огромным достижением открытие спутников Юпитера, т. е. лун, вращающихся вокруг другой планеты, как Луна вокруг Земли, вдруг находит нужным дополнить текст «Города Солнца» вставкой: соларики «не уверены, является ли Солнце центром нижнего мира... и обегаются ли планеты другими лунами...» И он пишет это после того, как узнал об открытиях Галилея и выразил ему свое восхищение!

Может быть, Кампанеллой опять овладели сомнения и телезианец опять взял в нем верх над пифагорейцем? Ничего подобного — он и дальше продолжал восхищаться открытием спутников Юпитера и считал своим долгом бесстрашно делать все, что было в его силах, для торжества гелиоцентрической системы.

В «Звездном вестнике» Галилей сообщил миру только о первых своих астрономических открытиях. В конце июля 1610 г. он обнаружил, что Сатурн состоит как бы из трех тел, причем центральное больше находящихся по сторонам. Удивляло, что оба «меньших тела» не меняли положения относительно «большого» и казались соприкасающимися с ним. В недостаточно сильную трубу «тройкий Сатурн» казался похожим на маслину⁴². Слух о «странности Сатурна» позволял многим говорить о его двух спутниках⁴³. На исходе 1610 г. Галилей совершил еще более важное

⁴⁰ Кампанелла. Город Солнца, стр. 114.

⁴¹ T. Campanella. Lettere, a cura di V. Spampanato. Bari, 1927, p. 163—169; Galilei. Ed. Naz., XI, p. 21—26.

⁴² Galilei. Ed. Naz., X, p. 409—410, 474.

⁴³ Ibid., XII, p. 276; Cp. T. Campanella. Apologia pro Galileo, p. 41.

открытие: он нашел, что Венера наподобие луны меняет свои фазы. Это разрешало, писал Галилей, «два важных вопроса, до сих пор вызывающих сомнения у величайших умов человечества. Первый — что все планеты по природе своей темны, как это представляется на примере Меркурия и самой Венеры. И второй — что Венера совершенно неизбежно вращается вокруг Солнца, так же как Меркурий и все другие планеты. В этом были убеждены пифагорейцы, Коперник, Кеплер и я, но это не было доказано чувствами, как это сделано теперь в отношении Венеры и Меркурия»⁴⁴. Ложность Птолемеевой системы тем самым стала очевидной⁴⁵.

Кратко об этих открытиях Галилей упомянул в своей книге «Рассуждения о телах, пребывающих в воде, и о тех, которые в ней движутся». Книга была издана дважды — летом и осенью 1612 г.⁴⁶ Здесь же Галилей сообщал и о наблюдении солнечных пятен: их перемещение по диску Солнца позволяло сделать вывод о его вращении вокруг собственной оси⁴⁷.

Ознакомившись с «Рассуждениями о телах, пребывающих в воде», Кампанелла посетовал, что Галилей занялся этими вопросами, а не отдает все силы проблемам мироздания. Он опасался, как бы отдельные высказывания Галилея, трудно доказуемые, например об атомах, не дали бы врагам повода отрицать и все его астрономические открытия, упомянутые в этой книге. Он радовался, найдя подтверждение мысли о том, что все тела тяготеют к центру собственной системы⁴⁸.

В «Теологии», над которой работал Кампанелла, он уверял, что и тексты «Священного писания», и раввины, и наиболее древние мыслители — все на стороне учения о движении Земли⁴⁹.

Полгода спустя после предполагаемой передачи латинского перевода «Города Солнца» Товию Адами⁵⁰ Кампанелла опять заклинал Галилея оставить атомы на будущее и, «заострив перо совершенной математикой», писать о мироздании. Пусть он сперва покажет, что «эта философия» происходит из Италии, от Филолая и частично Тимея, и что Коперник похитил ее у них и у Феррарца, своего учителя. Великий позор, что владеть умами начинают народы, которых сами же мы вывели из состояния варварства!⁵¹

Работе Галилея над книгой «Система мира», обещанной еще в «Звездном вестнике», Кампанелла придавал огромное значение.

Письмо так и начиналось: «Все философы мира следят сегодня за Вашим пером, ибо воистину нельзя философствовать без точной и проверенной системы строения миров, которую ждем от Вас; и все уже так поставлено под сомнение, что не ведаем, остался ли язык языком»⁵². Кампанелла и в дальнейшем неоднократно подчеркивал, что с появлением телескопа в астрономии началась новая эра⁵³. Телескоп открыл «новое небо», позволил разрешить вопросы, долгое время волновавшие астрономов, — чудотворный инструмент подтвердил правильность «пифагорейской системы», показал, что у планет есть свои луны, что существуют невидимые простым глазом звезды, что вселенной присущ полицентризм⁵⁴.

Как же тогда объяснить, что в латинском переводе «Города Солнца», сделанном, как полагают, в 1613 г., Кампанелла добавил известный отрывок о «сомнениях соляриев»? Может быть, это плод мимолетного колебания? Рукопись перевода была отдана Товию Адами, тот увез ее на чужбину, и исключить «случайную» фразу больше не представлялось возможным? Такая гипотеза лишена оснований. Переиздавая «Город Солнца» в Париже, Кампанелла сохранил этот отрывок. Почему же он заставил соляриев сомневаться и лишь искать решения той самой научной проблемы, непреложная истинность которой была уже доказана, и он был в этом абсолютно уверен?

«Город Солнца» был создан в эпоху ожесточенной борьбы вокруг учения о системе мира. Дело шло не об отвлеченных астрономических теориях. На этом рубеже столкнулись два мировоззрения. Недавно церковь отправила на кестер Джордано Бруно, который шел значительно дальше Коперника и не только отстаивал мысль о движении Земли, но и проповедовал бесконечность вселенной и множественность миров⁵⁵. Кампанелла был знаком с воззрениями Ноланца⁵⁶. В тюрьме римской инквизиции они находились одновременно⁵⁷, не исключено даже, что сидели в одной камере. В тот раз Кампанелла отделался сравнительно легко: его, как «сильнейше заподозренного в ереси», приговорили к публичному отречению и заточению в монастыре⁵⁸. Бруно сожгли 17 февраля 1600 г. — в ту пору, после провала калабрийского заговора, Кампанелла опять был в тюрьме. Шло тяжелое следствие. Только что, продержав неделю в страшном carcere, его подверг-

⁴⁴ Galilei. Ed. Naz., XI, p. 12.

⁴⁵ E. Wohlwill. Galilei und sein Kampf für die Copernicanische Lehre, Bd. I. Hamburg und Leipzig, 1909, S. 355—357; A. Штекли. Галилей, стр. 129—133.

⁴⁶ Galilei. Ed. Naz., IV, p. 6.

⁴⁷ Ibid., p. 64; Г. Галилей. Избранные труды, т. II, стр. 42.

⁴⁸ T. Campanella. Lettere, p. 176—178.

⁴⁹ Ibid., p. 177.

⁵⁰ Castelli, I, p. 147—157.

⁵¹ T. Campanella. Lettere, p. 177.

⁵² Ibid., p. 176.

⁵³ T. Campanella. Cosmologia, p. 59, 75, 93, 109, 125, 137, 157.

⁵⁴ Ibid., p. 59.

⁵⁵ A. Mercati. Op. cit., p. 79—83, 119.

⁵⁶ T. Campanella. Apologia pro Galileo, p. 9—10.

⁵⁷ См. L. Firpo. I primi processi campanelliani in una ricostruzione unitaria.— «Giornale critico della filosofia italiana», XX, 1939, p. 34; *idem*. Cronologia della Vita e delle Opere di Tommaso Campanella.— In: T. Campanella. Tutte le opere, a cura di L. Firpo, vol. I. Milano, 1954, p. LXX.

⁵⁸ Ibid., p. LXXI.

ли пытке «полледро»⁵⁹. Года полтора спустя, чудом выжив после еще более ужасной пытки — «вельи», он тайком написал «Город Солнца»⁶⁰.

Мог ли Кампанелла остаться в стороне от борьбы, развернувшейся вокруг учения о строении вселенной? Неужели для него было действительно безразлично, Земля является центром мира или Солнце? Мы знаем, что позже, в 1616 г., в то лихолетье, когда инквизиция занималась Галилеем и подвергла запрету Коперникову теорию, Кампанелла совершил акт высокого мужества — написал «Апологию Галилея»⁶¹. Поэтому вправе ли мы согласиться с утверждением, будто «Кампанелла, который выступал в защиту Галилея, не понимал, однако, сущности учения Коперника и Галилея»? Неужели он в самом деле и после Галилеевых открытий колебался «в вопросе о том, правильна ли геоцентрическая (Птолемея) или гелиоцентрическая (Коперникова) система»?⁶²

Сейчас мы не будем подробно разбирать эволюцию космологических воззрений Кампанеллы, а попытаемся выяснить, какая система лежит в основе представлений о мире граждан Государства Солнца, общества, возведенного, по мысли Кампанеллы, на фундаменте самых истинных, самых передовых научных взглядов.

Солярии, пишет Кампанелла, создали новую астрономию. «Они восхваляют Птолемея и восхищаются Коперником, хотя ему и предшествовали Аристарх и Филолай, но они говорят, что один производит расчет движений камешками, а другой бобами, а ни тот ни другой не рассчитываются настоящими деньгами и расплачиваются с миром счетными марками, а не чистой монетой. Поэтому сами они тщательно расследуют это дело, ибо это необходимо для познания устройства и строения мира и того, суждено ему погибнуть или нет, и когда именно. И они твердо верят в истинность пророчества Иисуса Христа о знамениях в солнце, луне и звездах, чего не признают среди нас многие безумцы, которых и постигнет гибель мира, как вор ночью. Посему ожидают они обновления века, а может быть и конца. Они признают, что чрезвычайно трудно решить, создан ли мир из ничего, из развалин ли иных миров, или из хаоса, но считают не только вероятным, а, напротив, даже несомненным, что он создан, а не существовал от века... Они отвергают Птолемея и Коперниковы эксцентрики и эпициклы и утверждают, что существует только одно небо и что планеты сами движутся...»⁶³. Солярии, продолжает Кампанелла, считают, что не надо прибегать ни к эпициклам, ни к эксцентрикам для объяснения видимого движения планет.

⁵⁹ Congiura, II, p. 61—66; III, p. 394—395.

⁶⁰ Ibid., II, p. 300—304; *А. Штекли*. Кампанелла. М., 1966, стр. 159—180.

⁶¹ *T. Campanella*. Apologia di Galileo, p. 19—21; Castelli, I, p. 182—190.

⁶² *Кампанелла*. Город Солнца, стр. 202.

⁶³ Там же, стр. 109.

Из приведенных цитат видно, что солярии, воздавая должное Птолемею и Копернику, все же критически относятся к их теориям. Фраза о том, что ни один из них не расплачивается золотыми монетами, а лишь фишками, совершенно не значит, будто Кампанелла считает их учения одинаково ложными. Речь идет о другом: Коперник, хотя и обосновал систему мира, отличную от Птолемеевой, тем не менее сохранил эпициклы и эксцентрики, а это набрасывало на всю теорию тень нереальности⁶⁴. Эпициклы и эксцентрики помогали рассчитывать видимое движение небесных тел, однако давно уже многим было ясно, что это математическое допущение вовсе не соответствует тому, как небесные тела движутся на самом деле. Перед астрономией встала задача «покончить с эпициклами», создать астрономию без гипотез, найти истинные планетные орбиты. К этому, среди прочих, призывал Пьер де ла Раме⁶⁵. Бруно страстно порицал как вымышленные хрустальные сферы, так и вымышленные эпициклы⁶⁶. Абстракциям математиков Кампанелла хотел противопоставить физическую реальность. Но он не создал новой астрономии, о которой так много писал. Задача оказалась по плечу только Кеплеру.

Кампанелла упрекал Коперника, так сказать, в недостаточной «физичности» выдвинутой им теории, в недостаточном размежевании с Птолемеявым методом «спасения явлений», в попытке согласовать несогласуемое, в непоследовательном пифагореизме. Кампанелла не случайно упомянул, что солярии восхищаются Филолаем и Аристархом, которые задолго до Коперника проповедовали гелиоцентрические взгляды. Это один из излюбленных мотивов Кампанеллы — он считал, что «пифагорейское учение», учение о движении Земли, принадлежит «Великой Греции», его родине⁶⁷.

Правда, нельзя забывать, что, по мысли Телезия, холодной Земле, в противоположность горячему Солнцу, следовало пребывать в покое⁶⁸. Одно из несогласий Кампанеллы с Коперником и объяснялось тем, что в учении последнего принималась неподвижность Солнца. Историки философии еще не отнеслись с должным вниманием к тому, как в мировоззрении молодого Кампанеллы телезианские представления вступали в конфликт с идеями пифагорейцев⁶⁹. Но сейчас речь не об этом. Мы хотим уточ-

⁶⁴ *Н. Коперник*. О вращениях небесных сфер. М., 1964, стр. 309—311. Ср. *Н. И. Идельсон*. Этюды по истории планетных теорий.— В кн.: *Н. Коперник*. Сборник статей. М.—Л., 1947, стр. 84—179; *А. Штекли*. Смерть Коперника.— «Прометей», т. 5. М., 1968, стр. 145—155.

⁶⁵ *J. Kepler*. Astronomia Nova. Pragae, 1609. На обороте титульного листа.

⁶⁶ *G. Bruno*. Dialoghi italiani, p. 143, 162, 389—390, 166.

⁶⁷ *T. Campanella*. Lettere, p. 177.

⁶⁸ Ср. *T. Campanella*. Epilogo Magno, a cura di C. Ottaviani. Roma, 1939, p. 67, 203, 205, 225, 333.

⁶⁹ Даже в первой своей книге — «Философии, доказанной ощущениями» — Кампанелла, как недавно подчеркнул Де Франко, во многом отходил

нить отдельные существенные моменты в системе взглядов соляриев.

Не предпочитают ли они Коперника Птолемею? Было бы странно, если бы люди, которые «под видом солнца созерцают и познают бога»⁷⁰, «поклоняются богу в солнце и в звездах»⁷¹, люди, верховный правитель коих назывался Солнцем⁷², а их государство — Городом Солнца, в своих космологических представлениях отводили бы Солнцу роль всего лишь одной из планет, роль планеты «четвертого неба».

Следует отметить еще одно обстоятельство. Город Солнца построен, как известно, по строго продуманному плану: он «разделяется на семь обширных поясов, или кругов, называющихся по семи планетам»⁷³. Эти концентрические круги, надо полагать, символизировали планетные орбиты. Ясно, что солярии строили город согласно своим представлениям о вселенной. Кампанелла не уточняет, какой круг носил название какой планеты. Можно ли выяснить, что за принцип — геоцентрический или гелиоцентрический — положен в основу планировки? Семь поясов города? Если мы вчитаемся в текст, то заметим интересную подробность: одним из поясов считается площадь вокруг расположенного в центре города храма⁷⁴. Исследователей иногда удивляло, почему Кампанелла, подробно описывая, что изображено на стенах каждого из поясов, говорит только о шести поясах, тогда как сам прежде упомянул о семи⁷⁵. Здесь как раз и оставляют без внимания отмеченное нами обстоятельство: храм и окружающее его пространство тоже один из поясов города⁷⁶.

По Птолемею, вокруг Земли, лежащей в центре мира, вращается семь светил: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн⁷⁷. Следовательно, если бы Город Солнца был построен по геоцентрическому принципу, то городских поясов, считая и пояс вокруг храма, оказалось бы восемь. Но Кампанелла говорит о семи: уже одно это показывает, что в виду имеется вовсе не Птолемея система. Коперник, поставив в центр системы Солнце, предложил иной порядок сфер: ближайшая к Солнцу — сфера Меркурия, затем Венеры, Земли с Луною, Марса, Юпитера, Сатурна⁷⁸. Коль скоро именно такой порядок сфер был

от Тезиса. См. *L. De Franco. La «Philosophia sensibus demonstrata» di Tommaso Campanella e la dottrina di Bernardino Telesio.* — In: «Tommaso Campanella (1568—1639). Miscellanea di studi...», p. 129—135.

⁷⁰ Кампанелла. Город Солнца, стр. 110.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, стр. 39.

⁷³ Там же, стр. 34.

⁷⁴ Там же, стр. 36.

⁷⁵ См. *G. Bruno e T. Campanella. Scritti scelti*, a cura di L. Firpo. Torino, 1949, p. 412.

⁷⁶ Ibid., p. 409—410, 412.

⁷⁷ Н. Коперник. О вращениях небесных сфер, стр. 31.

⁷⁸ Там же, стр. 34.

положен в основу замысла о концентрических поясах города, то их вместе с поясом вокруг храма насчитывалось бы именно семь.

Описание Города Солнца наводит на мысль, что солярии отдадут предпочтение гелиоцентрическому принципу: в центре лежит «пояс Солнца» — просторная площадь, посередине которой возвышается храм, где воздвигнут алтарь наподобие солнца⁷⁹. Ведь недаром же «солнце пользуется у них наибольшим почетом»⁸⁰!

Убедившись, что именно Солнцу отводят солярии центральное место в представлении о мире, мы с тем большим недоумением вынуждены признать: прямо об этом Кампанелла нигде в «Городе Солнца» не говорит. Солярии создали новую астрономию. А что лежит в ее основе? Мы тщетно стали бы искать внятного ответа. «Они восхваляют Птолемея и восхищаются Коперником...». Более того, они «не уверены», является ли Солнце центром нижнего мира. Солярии при всей их любви к науке о небе колеблются в кардинальном вопросе космологии? Ясно, что, создавая новую астрономию, они не могли на него не ответить. Из того, как они построили свой город, казалось бы, видно, что основа всего — гелиоцентрический принцип. Но почему же Кампанелла не объявил этого открыто? Чем диктовалась такая странная осторожность? Может быть, не нерешенностью для него самого этой кардинальной проблемы космологии, а какими-то внешними соображениями, весьма далекими от астрономии?

Стоит вспомнить обстоятельство, в которых создавался «Город Солнца». В тюрьме, после провала попытки восстания, Кампанелла, обвиняемый одновременно в заговоре и в ереси, симулирует безумие, чтобы избежать костра⁸¹. Желая доказать его притворство, Кампанеллу подвергают «велье», сорокачасовой пытке (4—5 июня 1601 г.)⁸². Точное время написания первоначального варианта «Города Солнца» до сих пор не удается установить. Принятая дата — 1602 г.⁸³ — лишь ориентировочная. Упоминание в качестве примера свободы воли о человеке, которого и сорокачасовая пытка не смогла заставить признаться в том, о чем он решил молчать, убеждает, как это подметил еще Л. Амабиле⁸⁴, что «Город Солнца» был написан после «велья». Пытка едва не стоила Кампанелле жизни. Как только он смог работать, он принялся украдкой от надзирателей за свои сочинения.

Сравнение следственных материалов с текстом «Города Солнца» заставляет нас думать, что «Город Солнца» был создан еще до оглашения приговора и писался с известной осмотрительно-

⁷⁹ Кампанелла. Город Солнца, стр. 36, 110.

⁸⁰ Там же, стр. 109.

⁸¹ Congiura, II, p. 84 e sgg.

⁸² Ibid., II, p. 217—225; III, p. 498—501.

⁸³ *L. Firpo. Bibliografia degli scritti di Tommaso Campanella.* Torino, 1940, p. 81—82; Congiura, II, p. 300—304.

⁸⁴ Congiura, II, p. 304.

стью: рукопись, попади она в руки тюремщиков, не должна была усугубить обвинений, выдвинутых против Кампанеллы в следственном деле. Отсюда постоянная оглядка на материалы процесса.

Обычно считают, что после «вельи» Кампанелла принялся сперва за переработку «Великого эпилога», потом написал «Политические афоризмы», а вслед за ними — «Город Солнца»⁸⁵. Вероятно, ближе к истине будет предположение, что первым сочинением, созданным Кампанеллой после «вельи», был именно «Город Солнца». Тогда датировать его следует второй половиной 1601 г.

Рукопись, писавшуюся тайком (не надо забывать, что Кампанелла и после «вельи» продолжал симулировать сумасшествие)⁸⁶, он, разумеется, не держал в камере. Ее хранили верные люди или в жилых помещениях Каstell-Нуово, или вообще где-то в Неаполе, за пределами крепости. Во время грандиозного обыска 2 августа 1601 г. в руки тюремщиков попал сборник его стихотворений, переписанный Пьетро Понцио, и список «Великого эпилога»⁸⁷. В ту пору, чтобы ухаживать за беспомощным после пытки Кампанеллой, у него в камере находились его отец и брат. Сохранился отчет офицера, производившего обыск. Когда он с солдатами вошел в камеру, одному из них показалось, будто брат Кампанеллы что-то выбросил в окно. Действительно, во дворе наружили⁸⁸. «Город Солнца», если был уже написан, хранился, вероятно, где-то в другом месте.

Вспоминаем мы эти подробности, чтобы лишний раз подчеркнуть: всякая поправка в тексте сочинений, которые хранились за пределами камеры, была сопряжена для Кампанеллы с большими трудностями и делалась лишь в том случае, если действительно была важной.

Мы отмечали осмотрительность, с которой писался «Город Солнца». Не сказалось ли это и на изложении космологических воззрений? Известная их нерешенность объяснялась бы тогда не колебаниями между Птолемеем и Коперником, а специфическими условиями, в которых создавалось это произведение. Кампанелла не мог говорить во весь голос, и не только потому, что сидел в тюрьме и приговор по его делу не был еще вынесен, — в ту пору, после процесса Джордано Бруно, и на свободе, рассуждая о мироздании, приходилось волей-неволей думать о Святой службе. Это объяснило бы некую «недоговоренность» в ранней редакции, но согласуется ли с теми дополнениями, которые Кампанелла внес, как полагают, после знакомства со «Звездным вестником»?

Нам известно, как восторженно встретил он открытия Гали-

⁸⁵ См. *L. Firpo. Cronologia della Vita e delle Opere di Tommaso Campanella*, p. LXXVI.

⁸⁶ *Congiura*, II, p. 227—230, 238, 273, 364—366; III, p. 72, 502—503, 507.

⁸⁷ *Ibid.*, II, p. 232—234, 298—300; III, p. 521—522.

⁸⁸ *Ibid.*, II, p. 233; III, p. 521.

лея. Многие давние его мысли нашли блистательное подтверждение! Тем явственней становился разрыв между «осторожным» изложением взглядов соляриев на мироздание и истинными убеждениями Кампанеллы. Время обгоняло соляриев. Они рисковали утратить свою славу передового в научном отношении народа. У Кампанеллы была возможность несколько «подновить взгляды» соляриев, переделав соответствующие пассажи «Города Солнца». Правда, умудренный опытом узника инквизиции, Кампанелла лучше остальных знал, как ревниво взирает Святая служба на все новации, способствующие распространению пагубных мыслей о бесконечности вселенной, множественности миров или движении Земли. Он слишком хорошо знал, чем грозит всякое обвинение в неправомыслии. Кампанелла, несомненно, предвидел, что истолкование новых открытий как торжества Коперниковой системы вызовет вражду богословов. Не случайно после знакомства со «Звездным вестником» в первом же письме к Галилею он настойчиво советовал, на каких отцов церкви сослаться, отстаивая мысль о движении Земли.

Если латинский перевод «Города Солнца» делался в 1613 г., три года спустя после издания «Звездного вестника», то никакая сверхосторожность не могла бы заставить Кампанеллу написать, что солярии не уверены, «обегаются ли планеты другими лунами», когда Галилей, открыв спутники Юпитера, доказал именно обращение таких «лун». Это не могло произойти по той простой причине, что мысль о лунах у планет уже не считалась предосудительной.

Почему же, готовя перевод «Города Солнца» к изданию, он счел нужным дополнить текст отрывком о «сомнениях соляриев»? Это тем более непонятно, что речь идет о положениях, которые Кампанелла, по крайней мере, после знакомства со «Звездным вестником», считал истинными⁸⁹. Он не сомневался, что Солнце — центр солнечной системы, считал, что и вокруг фиксированных звезд — или солнц, как их называл Бруно, — вращаются свои планеты. Излишне повторять, сколь высоко ценил он открытие Медицейских звезд, этих «других лун», обращающихся вокруг Юпитера.

Мы знаем, что многие свои работы Кампанелла неоднократно переделывал, изменял, расширял. Он всегда готов был откликнуться на последнюю научную новость и очень, например, сожалел, что писал свою «Метафизику» еще до знакомства с открытиями Галилея. Подготавливая «Город Солнца» к переизданию, он существенно дополнил его разъяснением относительно астрологии соляриев⁹⁰: гнев Урбана VIII, вызванный «заговором астро-

⁸⁹ *T. Campanella. Lettere*, p. 163—169; *idem. Metafisica*, I, p. 103; III, p. 160; *Castelli*, I, p. 65; *Documenti*, p. 26.

⁹⁰ *Кампанелла. Город Солнца*, стр. 207—214; *T. Campanella. Civitas Solis*, p. 160—163, 165.

гов»⁹¹, и направленная против них булла требовали особой осторожности.

Но почему же ни тогда, ни прежде, когда еще только делался латинский перевод, такой переработке не подверглись те немногие места, где говорится о космологии соляриев? Почему он не переделал этих мест, дабы вернуть граждан Государства Солнца на «передний край науки», а предпочел, выходя, усугубить «архаичность» их воззрений дополнением о питаемых ими сомнениях?

Выше мы говорили, что, работая над первоначальным итальянским текстом «Города Солнца», Кампанелла проявлял известную осторожность: приговор еще вынесен не был⁹². Но теперь, в 1613 г., давно осужденный на «пожизненное заточение без всякой надежды на освобождение»⁹³, он мог бы изложить некоторые пассажи иначе, не опасаясь неприятностей с инквизицией. В 1613 г. приверженность к Коперникову учению могла вызвать подозрения в неортодоксальности, ненависть ретроградов, послужить причиной доноса, но не могла явиться юридическим основанием для обвинения в ереси или для запрета книги. Опасаться последнего Кампанелле тоже было поздно — с августа 1603 г. все его сочинения были внесены в «Индекс запрещенных книг»⁹⁴. Поэтому речь могла идти лишь об издании под чужим именем или печатании в каком-нибудь протестантском городе.

Выходит, в 1613 г. у Кампанеллы не было необходимости проявлять особую осмотрительность, он вполне мог бы изложить космологические воззрения соляриев в согласии как со своими нынешними взглядами, так и с теми достижениями астрономии, которые были широко известны. Почему же тогда в латинском переводе он все-таки не сделал этого, а поступил наоборот? Такой шаг в 1613 г. был совершенно не оправдан.

Мы отмечали, что «отрывок о сомнениях» дошел до нас лишь в латинском переводе. Иногда здесь видят даже несогласие Кампанеллы с Галилеем: автор «Города Солнца» высказывает-де сомнения относительно лун у других планет, несмотря на то, что о таких лунах уже сообщил «Звездный вестник». Кажется само собой разумеющимся, что здесь — «намек на открытие Галилеем спутников Юпитера»⁹⁵. Ясно, что «намек» не мог появиться до самого открытия. Эту точку зрения отстаивал Н. Боббио. Солярии, не будучи уверены в истинности Галилеевых открытий, занимаются их исследованием. «По всей вероятности, — писал Боббио, — этот отрывок был добавлен, чтобы доставить удовлетворение Адами, который после посещения Неаполя беседовал с Гали-

леем и просил Кампанеллу объяснить, как новая физика может быть согласована с телезианскими теориями, коим он следует... Кампанелла, можно полагать, не хотел также, чтобы солярии, столь передовые в искусствах и науках, предстали перед его издателем не знающими тех новых открытий, к которым Адами проявлял такой интерес»⁹⁶.

Эта гипотеза о том, что солярии, хотя и знают о Галилеевых открытиях, но не уверены в их истинности, ничем не подтверждается. Единственное, что могло бы в этом отрывке относиться к «Звездному вестнику», — вопрос о лунах у планет. Но Кампанелла никогда не подвергал ни малейшему сомнению существование Медицейских звезд и особенно радовался их обнаружению: они подтверждала его давние догадки.

Товию Адами, приверженцу Галилея, вряд ли бы понравилось подобное добавление, тут же ставившее его автора в ряд злобных обскурантов, оспаривавших одно из величайших научных достижений. Ведь это было куда хуже, чем просто оставить соляриев в неведении относительно открытий Галилея. Если они о них еще ничего не слышали, то это вполне объяснимо — рассказ о Городе Солнца относится ко времени, предшествовавшему этим открытиям (солярии еще только «ждут окуляра»). А вот заставить их — после обнаружения Медицейских звезд! — сомневаться в существовании «лун у планет» — такой вставкой, вопреки мнению Н. Боббио, угодить Товию Адами было абсолютно невозможно. Все, что мы знаем о том, как Кампанелла воспринял Галилеевы открытия, решительно противится допущению, будто «вставка о сомнениях» — результат знакомства со «Звездным вестником». «Отрывок о сомнениях», на наш взгляд, находился в тексте «Города Солнца» еще до того, как Кампанелла прочел книгу Галилея.

Но разве выводы текстологов не противоречат нашей точке зрения? В Луккском списке, сохранившем, как считают, редакцию 1611 г., этой вставки еще нет, она появляется лишь в латинском переводе, который принято датировать никак не ранее 1613 г. Следовательно, «вставка о сомнениях» была сделана уже после Галилеевых открытий. Здесь мы не станем разбирать отношение Луккского списка к латинскому переводу, заметим лишь, что вопрос еще очень далек от разрешения. Что же касается так называемой «редакции 1611 г.», то аргументы, приводимые для ее датировки, весьма ненадежны. Упоминание об *oschiaie* появилось там, надо думать, задолго до выхода в свет «Звездного вестника». Обратим внимание на другое обстоятельство: утверждение, будто в редакции, сохраненной Луккским списком, отсутствовала «вставка о сомнениях», покоится на недоразумении. Действительно, ее нет ни в одном из списков итальянского текста, но настаивать, что она появилась лишь при подготовке пе-

⁹¹ Castelli, I, p. 298, 347—348, 354—355, 388—396, 407.

⁹² Ibid., I, p. 323—325.

⁹³ Congiura, III, p. 532—533.

⁹⁴ L. Firpo. La proibizione delle Opere del Campanella. — «Rivista di filosofia». Torino, XLI, 1950, p. 390—401.

⁹⁵ Кампанелла. Город Солнца, стр. 205.

⁹⁶ N. Bobbio. Ed. cit., p. 22—23.

ревода, совершенно недопустимо, поскольку именно в этом месте Луккский список имеет большую лауну и текст восполняется по предыдущему варианту⁹⁷. Поэтому вполне вероятно, что «вставка о сомнениях» была в той редакции, которую, хотя и в поврежденном виде, сохранил Луккский список. Кстати, нельзя утверждать, будто «отрывок о сомнениях» и «вставка об окуляре» созданы в разное время. Они могли быть написаны и одновременно. Значит, дошедшие до нас рукописи не подкрепляют мысли, будто «отрывок о сомнениях» существовал лишь в латинском переводе.

И главное — разве доказано, что речь идет именно о спутниках Юпитера? Мы снова сталкиваемся с такого же рода упрощением, как и в истории с *oschiale*. Исследователи исходят из ложного убеждения, будто мысль о лунах у планет могла возникнуть лишь как отголосок Галилеева открытия. На самом же деле вопрос, существуют ли у фиксированных звезд планеты, давно занимал философов и астрономов. Достаточно вспомнить Бруно и Кеплера. Да и вопрос о лунах у планет тоже был не нов. Кеплер, еще ничего толком не зная о Медицейских звездах, терялся в догадках: какие светила открыл Галилей — планеты, вращающиеся вокруг фиксированных звезд, или луны планет⁹⁸.

Вывод ясен: в самом отрывке нет ничего, что служило бы доказательством его происхождения после «Звездного вестника». Напротив, «неуверенность» относительно «других лун» у планет как раз и доказывает, что отрывок был написан еще до того, как Кампанелла узнал об открытиях Галилеем «Юпитеровых лун».

Но существует ли тесная смысловая взаимосвязь между этим отрывком и «вставкой об окуляре»? Похоже, что нет. У Кампанеллы эти вставки, строго говоря, могли и не зависеть друг от друга. Солярии, вероятно, не связывали решение занимающих их космологических проблем с ожидаемым появлением окуляра. Показательно, что оба эти отрывка находятся в разных местах. Солярии ждут окуляра, дабы «видеть скрытые звезды». И все. Если бы решение и других космологических проблем солярии связывали именно с окуляром, то как раз в этом месте должно было бы следовать и продолжение: «и дабы убедиться, является ли Солнце центром нижнего мира, являюся ли фиксированные звезды центрами (вращения) других планет, обращаются ли вокруг планет другие луны». Назначение ожидаемого окуляра весьма ограничено: лишь «видеть скрытые звезды».

Надо сказать, что вопрос о взаимосвязи этих двух вставок, не будучи должным образом изучен, стал тем не менее костяком господствующего ныне представления об этапах работы Кампанеллы над «Городом Солнца». Усилиями нескольких исследовате-

лей одна гипотеза превращалась в доказательство правильности другой. «Вставка об окуляре», принятая за отклик на Галилеево изобретение телескопа, вместе с фразой о появлении новой звезды в созвездии Кассиопеи позволила говорить о «редакции 1611 г.». Отсутствие «вставки о сомнениях» в дошедших до нас списках итальянского подлинника дало возможность утверждать, будто этот отрывок был добавлен лишь при переводе. Раз его нет ни в одном из итальянских списков, то перевод, конечно же, делал сам Кампанелла и, естественно, после завершения «редакции 1611 г.». Упоминание о «лунах у планет» — намек на Галилеевы открытия, поскольку до них ни о каких «лунах у планет» не знали, а Кампанелла хотел «угодить Товию».

Все эти положения не более, чем цепь гипотез. Ни одно из них не доказано. При проверке не подтверждается, что Луккский список сохранил редакцию именно 1611 г. Нельзя говорить, что в «окончательной редакции» итальянского текста «вставка о сомнениях» отсутствовала, ибо здесь в Луккском списке большая лауна и текст воспроизводится по предшествующему варианту. Не исключено, что, если бы Луккский список дошел до нас в неповрежденном виде, мы нашли бы в нем и «вставку о сомнениях». Вот почему преждевременен вывод, что вставка была сделана Кампанеллой лишь при переводе. История возникновения латинского варианта «Города Солнца» до сих пор неизвестна даже в основных ее чертах. Раз мы не знаем, кем делался перевод, то само наличие разбираемого отрывка в латинском тексте совершенно еще не доказывает, что он появился в процессе работы над переводом: если перевод делал Товий Адами или кто-нибудь из его друзей, в руках у них был не известный нам список итальянского текста (заметно отличающийся от Луккского!) и там был этот отрывок.

То обстоятельство, что Кампанелла не мог передать рукопись «Города Солнца» Товию Адами до 1613 г. (как раз в ту пору Товий находился в Неаполе), казалось бы, подкрепляет существующую датировку перевода, да не очень — нам не известно, ни когда Кампанелла передал рукопись Товию (время передачи определяется весьма ориентировочно — с 1613 по 1619 г.⁹⁹), ни, главное, что это была за рукопись — итальянский текст или готовый латинский перевод.

Одним словом, все соображения о времени создания перевода тоже не могут по существу доказать, что «вставка о сомнениях» появилась лишь после 1611 г.

Исследователи, находящие здесь намек на открытие Медицейских звезд, упускают из виду, что вопрос, существуют ли у планет луны, был нерешенным именно до обнаружения Галилеем четырех «Юпитеровых лун». После «Звездного вестника» «не уверен» в этом могли быть лишь самые упрямые обскуранты —

⁹⁹ L. Firpo. Bibliografia..., p. 88—90; N. Bobbio. Ed. cit., p. 22—24.

⁹⁷ N. Bobbio. Ed. cit., p. 177.

⁹⁸ J. Kepler. Dissertatio cum Nuncio Sidereo nuper ad mortales misso a Galilaeo Galilaeo. Pragae, 1610.— In: J. Kepler. Gesammelte Werke, Bd. IV. München, 1941, S. 289.

даже иезуиты Римской коллегии признали существование «лун» у Юпитера. То, что солярии еще «не уверены», как раз и доказывает — «вставка о сомнениях» была сделана до Галилеевых открытий.

Лишь невниманием к тому, как в действительности Кампанелла воспринял «Звездный вестник», и пренебрежением к самому тексту можно объяснить домысел, будто подобной вставкой Кампанелла хотел «угодить Товию», показав: солярии знают о недавних открытиях и, хотя еще не уверены в их истинности, занимаются их исследованием. Нет, как раз наоборот: солярии потому и «не уверены» относительно существования лун у планет, что Кампанелла писал эту фразу еще до обнаружения Медичейских звезд!

Итак, ни одно из соображений, которые можно было бы привести в подтверждение связи «вставки о сомнениях» с открытиями Галилея и, следовательно, ее появления «после 1611 г.» — в 1613 г. или позже, не основано на фактах. Ни изучение текста Луккского списка, ни все то немногое, что известно об обстоятельствах перевода «Города Солнца» на латынь, ни в малейшей степени не препятствуют высказанному нами тезису: «вставка о сомнениях» была внесена еще до Галилеевых открытий. Значит, правомерно делать упор на содержание этой вставки целиком и анализировать ее как определенный этап в развитии космологических представлений Кампанеллы, дабы подобным путем установить время ее написания. Такой анализ и заставляет прийти к выводу: вставка доподлинно отражает идеи, которые Кампанелла исповедовал, не будучи еще знаком со «Звездным вестником».

Ряд дополнительных соображений вынуждает укрепиться во мнении, что как фраза об окуляре, так и «вставка о сомнениях» появились в «Городе Солнца» еще до открытий Галилея. Если иметь в виду, что в Неаполитанском королевстве до издания «Звездного вестника» говорили о полетах «некоего калабрийца», обсуждали возможность создания устройств, усиливающих слух, и дивились окулярам Джамбаттисты делла Порта, то приходится признать: соответствующий отрывок весьма точно передает ту атмосферу ожидания чудесных изобретений, которая в первые годы XVII столетия царил среди неаполитанцев, и не только среди них: вспомним Пистория и его убежденность в будущей пользе для астрономии оптических стекол.

Фраза об изобретении искусства летать, отсутствовавшая, как видно, в первоначальной редакции, была добавлена Кампанеллой после известий о полетах калабрийца. Несколько позже, возможно, под влиянием очередных успехов Джамбаттисты делла Порта, в тексте появилась фраза об ожидаемых соляриями устройствах — оптическом и слуховом. Смысл ее как раз в том, чтобы еще раз подчеркнуть: солярии в научном плане опережают все остальные народы.

Если отношение Кампанеллы к открытиям Галилея заставляет нас исключить возможность появления «вставки о сомнениях» после его знакомства со «Звездным вестником», а состояние списков не позволяет фиксировать время ее возникновения, то для датировки занимающего нас отрывка остается еще один путь: попытаться установить, какой этап эволюции космологических представлений Кампанеллы в нем отражен.

Все содержание первого письма к Галилею, о котором говорилось выше, показывает, что торжество «пифагорейского учения» Кампанелла воспринял не как новообращенный, а как человек, ранее уверовавший в истинность его основных принципов.

Разбирая вопрос о том, как построен Город Солнца, мы пришли к выводу, что в основе его планировки лежит гелиоцентрический принцип. Если теперь мы обратимся к одному из сложнейших отрывков «Города Солнца», ставшему в русском издании из-за неточности перевода еще более неясным¹⁰⁰, — к страницам, где излагается теория движения планет, то заметим: догадка о том, что принцип, положенный в основу планировки Города Солнца, будто бы свидетельствует о приверженности соляриев к гелиоцентризму, не находит здесь полного подтверждения. Теория движения планет, один из краеугольных камней их «новой астрономии», так, как она представлена в латинском варианте «Города Солнца», весьма трудна для понимания. Лишь сопоставление с итальянской редакцией и другими произведениями Кампанеллы, в том числе с недавно опубликованной «Космологией», позволяет разобраться в сути этой доктрины¹⁰¹. Ошибочно думать, что главная черта космологических воззрений молодого Кампанеллы — его колебания относительно того, какую из систем мира, Птолемею или Коперникову, считать истинной. Он не соглашался ни с той, ни с другой, разрабатывая «скорее как физик, чем как астроном»¹⁰², собственную концепцию движения планет. Он считал, что все планеты вращаются вокруг Солнца и одновременно — вокруг Земли.

Весь вопрос в том, верил ли Кампанелла, создавая «Город Солнца», в истинность этой своей теории или уже отказался от мысли о неподвижности Земли — мысли, которая так хорошо согласовывалась с основными принципами телезианской натурфилософии. Ответить на этот вопрос непросто. В самом «Городе Солнца» мы встретим известные неувязки. Казалось бы, солярии чуть ли не по природе своей гелиоцентристы, а тут мысль о неподвижной Земле. Правда, Кампанелла нигде в «Городе Солнца» не говорит, что Земля — пребывающий в покое центр мира, но из упо-

¹⁰⁰ Кампанелла. Город Солнца, стр. 110—112. Ср. T. Campanella. Civitas Solis, p. 155.

¹⁰¹ T. Campanella. Cosmologia, p. 152—158; *idem*. Del senso delle cose e della magia, a cura di A. Bruers. Bari, 1925, p. 168—170.

¹⁰² T. Campanella. Lettere, p. 167.

минация о вращении сферы фиксированных звезд можно сделать такой вывод. Обратим внимание еще на одну подробность: теория движения планет, которой держатся солярии, изложена неясно. Сам Кампанелла — любопытная деталь! — прекрасно это сознавал. В двух списках, Трентском и Риккардианском, сохранилась маргиналия, по ошибке внесенная переписчиком в текст: (мысль) «несколько темная, но содержит истину и кажется ложью, в другом месте напишу лучше»¹⁰³. В редакции, сохраненной Луккским списком, соответствующий пассаж был несколько изменен, но намного яснее не стал. Создается впечатление, что к ясности Кампанелла здесь и не особенно стремился. Кстати, почему он заметил на полях, что напишет лучше «в другом месте»?

Нам надо сделать оговорку: само упоминание о вращении «всего звездного неба» в данном контексте еще не свидетельствует о геоцентрических убеждениях. Речь идет о видимом перемещении сферы фиксированных звезд. Известно, что и убежденнейшие коперниканцы говорили о таком движении неба. Вся суть в том, считать ли это видимое движение кажущимся, вызванным суточным вращением Земли, или действительным.

Нетрудно заметить, что научные воззрения соляриев отражают взгляды самого Кампанеллы — разумеется, определенный этап в эволюции его представлений и лишь постольку, поскольку это было возможно на страницах работы, предназначенной для опубликования. Мы уже подчеркивали, что в «Городе Солнца» Кампанелла нигде прямо не говорит о неподвижности Земли. О том, что он какое-то время держался этой мысли, мы узнаем из других его сочинений.

Читатель так и остается в неведении, отводили солярии в своей картине мироздания центральное место Солнцу (о чем, казалось бы, свидетельствуют пояса Города Солнца) или считали Землю неподвижным центром — если не мира, то хотя бы нашей системы.

Чем объяснить эту осознанную автором и, выходит, нарочитую недоговоренность? Кампанелла или на самом деле еще верил в неподвижность Земли, или по какой-то причине избегал особенно афишировать свою приверженность к гелиоцентризму. Ряд выводов заставлял нас склониться ко второй точке зрения.

Вернемся к «вставке о сомнениях». Конечно, несложно увидеть здесь «колебания между Птолемеем и Коперником». Но вдуваемся в текст. Этот отрывок, на наш взгляд, не надо расценивать как свидетельство сомнений Кампанеллы в правильности гелиоцентрической системы. Если бы солярии стояли на позициях геоцентризма, то утверждение, будто они «не уверены, является ли Солнце центром нижнего мира», теряло бы смысл, ибо со-

лярии, напротив, были бы убеждены в неподвижности Земли. Не следует вычитывать из этой фразы и того, чего там нет, — колебания между геоцентрической и гелиоцентрической системами: тогда бы Кампанелла написал, что солярии не уверены, Солнце или Земля является центром мира.

Следует обратить внимание, что Кампанелла не говорит: «они не уверены, является ли Солнце центром мира», а иначе формулирует свою мысль — «центром *нижнего* мира». Это очень существенная разница, весьма для Кампанеллы характерная. Кампанелла полагал, что во вселенной («в мире») — множество центров, каждая система имеет свой центр, свое солнце.

«Нижний мир» — это не только не вселенная, но даже и не солнечная система. «Нижний мир», или «мир стихий», «мир элементов», — это Земля с примыкающим к ней пространством, замкнутым «сферой Луны». Это «подлунный мир» в первоначальном понимании — *mundus sublunaris*. Следовательно, речь здесь идет о Солнце как центре вращения Земли. Иными словами, о вращении Земли (вместе с Луной) вокруг Солнца.

Если бы солярии не были уверены, вращается ли Солнце вокруг Земли, то можно было бы говорить об их «колебаниях между Птолемеем и Коперником». Но вставка свидетельствует о другом — солярии ищут подтверждения истины, гласящей: Земля вращается вокруг Солнца. Это доказывает: солярии не геоцентристы, ибо в противном случае они были бы абсолютно убеждены в том, что Земля *не вращается* вокруг Солнца. Если при изложении теории движения планет, упоминая об обращении «всего звездного неба», Кампанелла имел в виду его действительное, а не кажущееся движение, то тогда бы эта мысль противоречила вставке («все небо» движется «по природе своей» лишь в том случае, если Земля «по природе своей» пребывает в покое). Но этого противоречия не возникало, если предполагалось действительное движение Земли и, следовательно, кажущееся движение «всего неба».

Так мы опять приходим к выводу, что солярии держатся гелиоцентрического или, как тогда говорили, «шифагорейского учения». Здесь самое время вспомнить, что мысль о движении Земли и других планет вокруг Солнца, как и мысль о том, что существуют невидимые нами небесные тела, вращающиеся вокруг фиксированных звезд, и луны у других планет, — это основы «шифагорейской» космологии. Напротив, солярии не разделяют главнейших положений Аристотелево-Птолемеевой системы — неподвижности Земли, наличия хрустальных сфер, с помощью которых переносятся планеты, убеждения, что может существовать только одна луна и одно солнце, что планет может быть только семь и что за пределами нашего мира нет никаких иных миров¹⁰⁴.

¹⁰³ L. Firpo. Per il testo critico della «Città del Sole» di T. Campanella. — «Giornale storico della letteratura italiana», CXXV. Torino, 1948, p. 249—251.

¹⁰⁴ Кампанелла. Город Солнца, стр. 110, 112—114.

Космологические представления соляриев надо, на наш взгляд, назвать, употребляя тогдашнюю терминологию, «пифагорейскими». Это подтверждается не только анализом их воззрений. Основатели Города Солнца — на это обычно не обращают внимания — явились на Тапробану из Индии, спасаясь от преследования со стороны Моголов. Они, решившие «вести философский образ жизни общиной», были брахманами-пифагорейцами¹⁰⁵. Естественно, что и их взгляды на строение вселенной, так сказать, изначально пифагорейские.

Но чем тогда объяснить, что этого «пифагорейского отрывка» не было в первой редакции?

Стремление найти доказательства годового вращения Земли противоречило самой сути Кампанелловой теории движения планет, основанной на безусловной неподвижности «холодной» Земли. Уже по одному этому видно, что «вставка о сомнениях» — новый этап в развитии космологических представлений Кампанеллы. Весь вопрос в том, когда начинать этот новый этап. С момента появления этой вставки? Нет, подчеркивая «изначальное пифагорейство» соляриев, мы полагаем, что Кампанелла не разделял телезианского представления о неподвижной Земле уже в ту пору, когда приступал к работе над «Городом Солнца».

Проблема «Кампанелла и Коперникова система» ждет своего исследователя. Пока много неясного в том, как из противника мысли о движении Земли Кампанелла становится ее приверженцем. Судя по всему, еще до «Города Солнца» он отказался от ряда положений, которые мешали ему полностью согласиться с Коперником. В нашем распоряжении есть очень важное свидетельство. В 1603 г. Кампанелла сочинил «Астрологический прогнозик» и переслал рукопись своему другу Антонио Персио и Дж. А. Маджини, одному из виднейших астрономов Италии¹⁰⁶. Осенью 1607 г., будучи проездом в Болонье, Шоппе — ученый немец, которому Кампанелла передал списки многих своих сочинений, — обедал с ними. Речь шла об этом произведении. Маджини сказал, что восхищен поразительным умом Кампанеллы, «хотя и считает, что тот заблуждается, следуя учению Коперника»¹⁰⁷. «Астрологический прогнозик» не сохранился, но у нас нет никаких оснований подвергать сомнению это свидетельство. «Город Солнца» писал человек, стоявший на гелиоцентрических позициях.

Нашему предположению противоречат те страницы «Великого эпилога», «Астрономии»¹⁰⁸, «О способности вещей к ощущению» и «Метафизики» (все они, как считают, создавались уже после

¹⁰⁵ Кампанелла. Город Солнца, стр. 45, 75. Надо отдать предпочтение итальянскому тексту — по изданию *N. Bobbio*, p. 79; «*Benché essi siano stati Bragmani pitagorici...*»).

¹⁰⁶ *T. Campanella*. Tutte le opere, vol. I, p. LXXVII.

¹⁰⁷ Castelli, I, p. 65—66, 114; II, Documenti, p. 26.

¹⁰⁸ «Астрономия» не сохранилась, однако по другим произведениям Кампанеллы и письмам, где она упоминается, можно понять ее основные идеи.

«Города Солнца»), где речь идет о Земле, пребывающей в покое. Зная это, мы тем не менее рискуем настаивать на правильности нашего предположения. И вот почему. Кампанелла, на наш взгляд, в годы, последовавшие за окончанием «Философии, доказанной ощущениями», под влиянием «пифагорейского учения» отказался от мысли о неподвижной Земле. Не исключено, что большую роль в этом сыграло также его знакомство с идеями Джордано Бруно и Патрици.

Здесь мы коснемся темы, которая в случае ее успешной разработки позволила бы по-новому понять многое в творчестве великого калабрийца. Однако сложность состоит в том, что документы, могущие внести ясность, утрачены, так же как и сочинения Кампанеллы, говорившие о его отношении к «пифагорейскому учению».

Известно, что уже в первой своей книге он с телезианских позиций критиковал доктрины Аристотеля. Приверженность к Телезию была одной из причин того, что Кампанеллой заинтересовалась инквизиция. Первые процессы Кампанеллы, несмотря на самые тщательные попытки восстановить их ход¹⁰⁹, все еще остаются загадкой: в нашем распоряжении слишком мало документов, дабы понять, что же в мировоззрении молодого Кампанеллы особенно беспокоило инквизиторов. Только ли верность Телезию? Кампанелла, защищаясь, составил не дошедшую до нас «Апологию Телезия»¹¹⁰. Но случайно ли его обвиняли в симпатиях к Демокриту?¹¹¹ И не склонялся ли он теперь к «пифагорейскому учению»?¹¹² От двух его работ, созданных до ареста, сохранились одни названия — «О сфере Аристарха», «Пифагорейская философия в трех книгах»¹¹³. В тюрьме, уже перед самым приговором, в качестве защиты он написал, к несчастью, тоже утраченную «Апологию философов Великой Греции от (обвинений) Святой службы». Л. Фирпо считает, что речь там шла о защите собственной философии и философии Телезия¹¹⁴. Вряд ли стоит толковать это так ограниченно. Под философами Великой Греции, т. е. греческих колоний Южной Италии, Кампанелла понимал философов-пифагорейцев¹¹⁵. А раз это так и Кампанелле накануне приговора приходилось убеждать инквизиторов, что «пифагорей-

¹⁰⁹ См. *L. Firpo*. I primi processi campanelliani...

¹¹⁰ *T. Campanella*. Lettere, p. 161, 175. Л. Фирпо полагает, что «Апология Телезия» была написана до тюрьмы. См. *L. Firpo*. Bibliografia..., p. 175—176.

¹¹¹ Глухое упоминание об этом обвинении мы встречаем у самого Кампанеллы, который отрицал его справедливость. См. *T. Campanella*. Lettere, p. 167. Недавно Л. Фирпо обнаружил новые данные, косвенно подтверждающие, что обвинение имело под собой почву. См. *L. Firpo*. Appunti campanelliani. — «Giornale critico della filosofia italiana», XXXV, 1956, p. 541—549.

¹¹² Ср. *N. Badaloni*. T. Campanella. Milano, 1965, p. 81.

¹¹³ *L. Firpo*. Bibliografia..., p. 172, 173; *T. Campanella*. Lettere, p. 167.

¹¹⁴ *L. Firpo*. Bibliografia..., p. 180.

¹¹⁵ *T. Campanella*. Apologia pro Galileo, p. 56—57.

ская философия» вовсе не преступное учение, то его, стало быть, обвиняли в приверженности к ней? Отдельные положения этой «Апологии» можно, вероятно, восстановить по более поздним работам Кампанеллы, в которых он доказывал, что «пифагорейская философия» не противоречит «Священному писанию».

Обратим внимание, что и другое его сочинение, написанное в тюрьме, но несколько раньше «Апологии философов Великой Греции», тоже, как видно, в известной степени носило характер защиты: «Главный итог того, о чем относительно природы вещей философствовал фра Т. Кампанелла, раб божий»¹¹⁶. Если мы вспомним характерный для Кампанеллы прием — находясь под следствием, сочинять работы, которые должны служить ему оправданием против обвинений (сошлемся хотя бы на историю создания «Испанской монархии»)¹¹⁷, то можем вполне допустить, что и в «Главном итоге», пытаясь отвести от себя обвинения в приверженности к «пифагорейской философии» и Демокриту — именно по пунктам, вызывавшим особую неприязнь инквизиторов, он предпочел излагать взгляды менее дерзостные. Процесс 1594—1595 гг. лишь благодаря хитрости Кампанеллы и его презрению к пыткам закончился сравнительно сносно — его как «сильнейше заподозренного в ереси» приговорили к публичному отречению, местом заточения ему определили монастырь св. Сабины. Надо ясно представить себе, что если Кампанеллу во время процесса серьезно обвиняли в приверженности к Демокриту и «пифагорейским воззрениям», то это предопределило очень многое в его будущих сочинениях. Напомним, что Джордано Бруно, находившийся одновременно с ним в римской темнице, пять лет спустя поплатился жизнью среди прочего и за верность ряду тезисов «пифагорейской философии». Кампанелла не только на собственном примере, но и на примере Бруно знал, как дорого может обойтись защита подобных взглядов.

Почти все материалы этого процесса — протоколы допросов, обвинительное заключение, приговор — остаются ненайденными. Нам даже неизвестно, по каким пунктам Кампанелла приносил отречение. Если там были и какие-то положения «пифагорейской философии», то любое новое отстаивание их истинности тут же делало его «повторно впадшим в ересь». Процессом 1594—1595 гг., по всей вероятности, объясняется многое: и вынужденное возвращение от пифагорейцев к телезианскому представлению о холод-

¹¹⁶ «Epilogo Magno», вероятно, лучше переводить не «Великий эпилог» и не «Великий итог», а «Главный итог». Это название не только более приличествует обвиняемому в ереси «рабу божьему», ибо снимает с него упрек в непомерной гордыне, но и точнее передает замысел сочинения: опустив полемические отступления прежних работ, дать краткое изложение своей натурфилософии, однако так, чтобы, сохраняя ее антиперипатетическую направленность, избежать обвинений в несогласии с Библией.

¹¹⁷ См. Congiura, II, p. 283—284; *L. Firpo. Ricerche campanelliane*. Firenze, 1947, p. 192; см. также: *А. Штекли. Кампанелла*, стр. 137—139, 147, 156—159.

ной и недвижимой Земле, и, казалось бы, малоопытные в устах Кампанеллы слова о необходимости «очень остерегаться, чтобы необдуманно не отходить от общего мнения»¹¹⁸.

Если именно вынужденной необходимостью таить подлинные мысли объясняется некая туманность в рассказе о космологии соляриев, то в чем смысл «вставки о сомнениях»?

«Город Солнца» вышел в свет с подзаголовком: «Образец философского государства»¹¹⁹. Но существуют списки итальянского текста с более пространным названием: ««Город Солнца» фра Томмазо Кампанеллы, т. е. диалог о государстве, в коем рисуется образец переустройства христианского государства в соответствии с предвещанием господина, сделанным святым Екаторине и Бригитте»¹²⁰. Есть основания полагать, что этот заголовок был первоначальным. Прибегнуть к нему пришлось из осмотрительности. Позже, вероятно, после вынесения приговора, Кампанелла от него отказался и ограничился краткой констатацией: «Образец философского государства». Та же тенденция, надо думать, сказалась и в появлении «вставки о сомнениях» — Кампанелла, не забывая об осторожности, захотел несколько прояснить вопрос, столь для него небезразличный, — относительно космологии соляриев.

Обращает на себя внимание и весьма осмотрительная форма, в какую эта вставка облечена: если бы, например, высказывалось сомнение, вращается ли Солнце вокруг Земли, то в этом нетрудно было бы увидеть нетвердость веры, сомнение автора относительно истинности слов «Священного писания», говорящих о движении Солнца. Кампанелла предпочитает иной оборот: солярии «не уверены, является ли Солнце центром нижнего мира». Такая формулировка, дающая читателю повод для раздумий, вместе с тем не выражает прямого несогласия с библейскими текстами.

В этом «не уверены» есть, на наш взгляд, оттенок, которого была бы лишена фраза: «Они ставят под сомнение, является ли Солнце центром нижнего мира» и т. д. Отличие заключается в следующем: если в последней фразе преобладает элемент отрицания, то первая, сообразно с характерным для Кампанеллы словоупотреблением, говорит о другом. Мысль, не доказанная в полной мере, остается всего лишь «мнением»¹²¹. Истиной она станет лишь тогда, когда появятся непреложные доказательства. Солярии «не уверены» не потому, что сомневаются, а потому, что не обладают еще такими доказательствами.

О том, что солярии были убеждены в истинности этих положений, говорит интереснейшая подробность, утраченная в рус-

¹¹⁸ *T. Campanella. Realis philosophiae epilogisticae partes quatuor...* Francofurti, 1623.— Praefatio Tob. Adami; Cp. Castelli, I, p. 167.

¹¹⁹ *T. Campanella. Realis philosophiae...*— Appendix Politicae Civitas Solis. Idea Reipublicae philosophicae.

¹²⁰ *N. Bobbio. Ed. cit.*, p. 169.

¹²¹ *T. Campanella. Del senso delle cose e della magia*, p. 144—145.

ском переводе. После перечисления того, в чем солярии «не уверены», перевод гласит: «но непрестанно доискиваются тут истины»¹²². Однако передать и эту часть фразы можно точнее: «но донныне радеют об исследовании сей истины»¹²³. Примечательнейшие слова! Солярии считают доктрину о движении Земли вокруг Солнца, о существовании планет у фиксированных звезд и лун у планет не «мнением», а истиной. Если мы зададимся вопросом, чья эта истина, об исследовании которой радеют солярии, то должны будем признать — это «пифагорейская» истина.

Казалось бы, если Кампанелла непоколебимо убежден в истинности перечисленных положений, почему он не осмелился провозгласить этого во весь голос? Бесстрашие великого калабрийца нам слишком хорошо известно, и проявленная осторожность может вызвать недоумение, тем более что он и так был уже приговорен за ересь к пожизненному заточению «без всякой надежды на освобождение».

Надо иметь в виду следующее: узника инквизиции объявляли «вновь впавшим в ересь», коль скоро обнаруживалось, что он держится еретических суждений. Инквизиторам при желании не составляло труда отправить на костер и приговоренного к пожизненному заключению. Можно возразить, что «пифагорейское учение» еще не было объявлено ересью. Да, однако, это не помешало казни Бруно — среди выдвинутых против него обвинений находились и «пифагорейские» положения.

Дело было не столько в опасении за собственную судьбу, сколько в опасении за судьбу книги. «Город Солнца» должен был публиковаться как приложение к «Политике», одной из частей «Реальной философии». Космологические воззрения соляриев далеко не самый существенный мотив «Города Солнца». Стоило ли там открыто провозглашать приверженность к подозрительному «пифагорейскому учению» — ведь одного этого было достаточно, чтобы в случае запрета последнего запретили и всю книгу, которую и так пришлось бы печатать или под псевдонимом, или за границей?

Однако мы рискуем создать у читателя ложное впечатление, слишком усердно подчеркивая вынужденную осмотрительность Кампанеллы. Положения, о которых шла речь в «отрывке о сомнениях», были на самом деле в первые годы XVII столетия всего лишь «мнениями». Открытие Галилеем Медицейских звезд обнаружило правоту только одной из этих мыслей — о существовании «других лун». Часто приходится слышать, будто Коперник доказал движение Земли. Нет, сделать это в ту пору, когда не существовало и простейших телескопов, было невозможно. Коперник лишь показал, что гелиоцентрическая теория лучше, чем Пто-

лемеева, согласуется с видимым перемещением небесных тел. Галилей сокрушил систему Птолемея, доказав на примере Венеры, что планеты вращаются вокруг Солнца, однако неопровержимых подтверждений движения Земли у него тоже не было. Доказать вращение Земли вокруг Солнца астрономам удалось лишь в XIX в. Поэтому сама констатация: солярии «не уверены», вращается ли Земля вокруг Солнца, и «донныне радеют об исследовании сей истины» — не свидетельство их неверия в гелиоцентрический принцип, а свидетельство незавершенности исследования. Подчеркнув, что Кампанелла говорит о «сей истине», отметим: в его эпоху Коперникову теорию даже убежденнейшие приверженцы гелиоцентризма нередко именовали «Коперниковым мнением». Мысль о движении Земли вокруг Солнца и после смерти Кампанеллы еще целых два века продолжала оставаться «мнением», пока астрономы не обнаружили, наконец, годичный параллакс фиксированных звезд. Открытие других лун, помимо Юпитеровых, тоже было достижением XIX в. Что же касается планет, вращающихся вокруг фиксированных звезд, то эта задача оказалась по плечу лишь современной науке. Поэтому естественно, что Кампанелла и не изобразил разгаданными те загадки строения вселенной, разрешение которых было делом будущего.

Сама постановка проблем, коими занимались солярии, была вызовом всей тогдашней космологии, основанной на идеях Аристотеля и Птолемея, приспособленных к библейским представлениям. Следовательно, отрывок, который мы назвали «вставкой о сомнениях», было бы куда правильней назвать «вставкой о космологических проблемах, о доказательстве истинности коих радеют солярии». Излишне повторять, что это были те же самые проблемы, над которыми, помимо Кампанеллы, ломали голову величайшие его современники — Бруно, Галилей, Кеплер. Поэтому и эта вставка, сделанная еще до открытий Галилея, преследовала все ту же цель — показать, что и в исследовании строения вселенной солярии стоят на самых передовых позициях.

Итак, на наш взгляд, мы можем считать доказанной ошибочность широко распространенного мнения, будто интересующая нас вставка могла быть сделана лишь после знакомства Кампанеллы со «Звездным вестником» и, следовательно, отражает его отношение к открытиям Галилея. Вставка эта не только не говорит о подлинном отношении Кампанеллы к Галилеевым открытиям, но и не отражает воззрений самого Кампанеллы в тот период, когда он передавал рукопись «Города Солнца» Товию Адами. Открытия Галилея Кампанелла воспринял и как торжество столь милого его сердцу «пифагорейского учения», и как подтверждение многих собственных мыслей.

Раз мы не вправе рассматривать этот отрывок как бесспорное дополнение, сделанное при переводе, то сформулируем занимающий нас вопрос более осторожно. Почему Кампанелла, гото-

¹²² Кампанелла. Город Солнца, стр. 112.

¹²³ T. Campanella. Civitas Solis, p. 156: «...sed invigilant adhuc investigationi huius veritatis».

вя рукопись к переводу, если и не дополнил ее «отрывком о сомнениях», который в части, касающейся «других лун», походил на анахронизм, то, по крайней мере, почему сохранил его, как и фразу об «ожидании окуляра»? Почему Кампанелла, стремившийся подчеркнуть, что солярии находятся на «переднем крае науки», не привел теперь их космологическую доктрину в соответствие с последними научными достижениями, и в частности с открытиями Галилея?

После «Звездного вестника» сомнение соляриев относительно «других лун» стало звучать как анахронизм? Отмечая это, мы упустили из виду другую сторону: раз эти отрывки находились в тексте «Города Солнца» еще до открытий Галилея, Кампанелле не было нужды что-либо менять, он мог только гордиться, что и в «дотелескопическую эпоху» его солярии предвосхитили появление оптического устройства, позволяющего различать скрытые звезды, более того, они среди прочего думали и над проблемой, которую позже блестяще разрешил Галилей: есть ли у планет луны. Поэтому изобретение телескопа и публикация «Звездного вестника» никак не могли отодвинуть соляриев в число «отсталых» народов, напротив, они подтверждали правоту их прозрений, хотя и относили весь рассказ о чудесном Городе Солнца к более раннему времени.

Если эти соображения и могут объяснить, почему Кампанелла, готовя рукопись к переводу, примирился с подобным «анахронизмом», то они все же не в силах совершенно рассеять недоумение. Между предполагаемым временем передачи рукописи Товию Адами и изданием «Города Солнца» прошло 10 лет. Еще 14 лет минуло, прежде чем сам Кампанелла сумел вторично его издать. Это была эпоха великих астрономических открытий, эпоха Галилея и Кеплера. В Париже, готовя новое издание «Города Солнца», Кампанелла существенно дополнил то место, где речь шла об астрологии. Так почему же он, уже на свободе, не воспользовался возможностью и не изложил взгляды соляриев в полном согласии с великими научными достижениями, ярым поклонником которых он выступал? Раз он не сделал этого, то помешать ему могли лишь самые серьезные причины.

Весной 1616 г. разразилась гроза. 5 марта был обнародован декрет, запрещающий «пифагорейское учение» о движении Земли¹²⁴. За несколько дней до этого, выслушав мнение богословов-квалификаторов Святой службы, сам папа приказал сделать Галилею тайное предписание, дабы тот под угрозой привлечения к суду инквизиции никогда впредь «не держался и не учил» Коперниковой теории¹²⁵. В Неаполе по приказу инквизиции был арестован книготорговец Лазарь Скориджо, издавший книгу

¹²⁴ E. Wohlwill, Op. cit., Bd. I, S. 625—627; Galilei, Ed. Naz., XIX, p. 322—323.

¹²⁵ Galilei, Ed. Naz., XIX, p. 320—322; A. Шрекли, Галилей, стр. 211—226.

П. А. Фоскарини, где говорилось, что движение Земли может быть согласовано с Библией¹²⁶. Гелиоцентрическая система на долгие годы оказалась под запретом.

Именно эти события 1616 г. и дают нам ключ к пониманию того, почему космологические пассажи «Города Солнца» остались неизменными. После опубликования декрета 1616 г. не только ученику инквизиции, но и всем жителям католических стран нельзя было признаваться в приверженности к гелиоцентризму и следовало проявлять в вопросах космологии сугубую осторожность.

Но ведь и так все сочинения Кампанеллы, сочинения осужденного еретика, с 1603 г. находились в «Индексе запрещенных книг». Где и когда осуществится первое издание «Города Солнца», Кампанелла не знал. Не знал он, произойдет ли это в протестантском городе, где не властна цензура папистов, или в католической стране. Весьма непочтительное упоминание о Лютере, бывшее в итальянском тексте и опущенное в напечатанном переводе¹²⁷, свидетельствует, что первоначально он не помышлял об издании у лютеран. Кампанелла не исключал возможности опубликования «Города Солнца» даже в Италии — под псевдонимом или анонимно¹²⁸. Кстати, и в Германии первый сборник стихотворений Кампанеллы был издан под псевдонимом. Было бы крайне неразумно все учение о «философском образе жизни общины» ставить под угрозу неминуемого запрета — даже в случае анонимного издания — лишь из-за того, что отдельные суждения соляриев попадали бы под декрет 1616 г.

Поэтому о какой-либо переделке космологических отрывков в духе безусловного гелиоцентризма не могло быть и речи. Однако некая их «архаичность» неожиданно приобрела новое и весьма полезное звучание: и фраза об «ожидании окуляра», и тем более «сомнение» относительно лун у планет показывали читателю, что речь идет о космологии, которая еще не знала телескопа. В этих условиях даже известная «нерешенность» в изложении вопросов мироздания оказалась Кампанелле как нельзя на руку: в ту пору, когда декрет 1616 г. в глазах истинных католиков, казалось бы, окончательно разрешил спор о том, какая из двух главнейших систем мира — Птолемея или Коперникова — ошибочна, всякая мысль о «нерешенности» проблемы, о сомнении относительно системы мира объективно шла на пользу запретному гелиоцентризму.

Так случилось, что переиздать в латинском переводе «Город Солнца» без какой-либо существенной переработки его космологических страниц Кампанелла был не только вынужден, но и склонен.

¹²⁶ Castelli, I, p. 183.

¹²⁷ T. Campanella, La Città del Sole, p. 113; Civitas Solis, p. 166.

¹²⁸ Castelli, I, p. 72; II, Documenti, p. 28.

«Звездный вестник» оказал на Кампанеллу очень сильное влияние: мятежный философ еще более укоренился на позициях последовательного гелиоцентризма, на позициях «пифагорейского учения», к которому он давно тяготел. Однако в тексте «Города Солнца» по причинам, не зависящим от воли автора, это не получило отражения. Ошибочно и глубоко несправедливо по отношению к Кампанелле, страстному поборнику Галилеевых открытий, расценивать отрывок о «сомнениях соляриев» как его несогласие с Галилеем. Это значило бы, вопреки фактам, ставить Кампанеллу в один ряд с теми обскурантами, которые упорно отрицали существование Медичейских звезд. В борьбе за торжество гелиоцентрической системы Кампанелла и Галилей после «Звездного вестника» выступали на одной стороне.

Здесь мы не ставили себе целью с необходимой обстоятельностью исследовать эволюцию космологических воззрений Кампанеллы, выяснять подробно его отношение к Галилею или обсуждать те выводы, небезынтересные для историков науки, которые могут быть сделаны благодаря новому истолкованию отрывков об «ожидании окуляра» и «сомнениях соляриев». Основная задача была в другом: показать, сколько еще загадок таит в себе текстология «Города Солнца» и как обманчивы те вехи, которые обычно принимаются за надежный ориентир в исследовании творческой истории любимого детнца Кампанеллы.

В. И. Рутенбург в своей статье, связанной с выходом в свет нового издания «Города Солнца», подчеркивал всю важность изучения его итальянских редакций¹²⁹. Проблема эта и по сей день в советской историографии не разрабатывается, хотя у нас и нет оснований во всем соглашаться с зарубежными текстологами. Их выводы вовсе не окончательны, многие положения либо просто неверны, либо недостаточно аргументированы.

Мы коснулись лишь небольшой части вопросов, возникающих при углублении в текстологические проблемы «Города Солнца», но и из этого видно, что здесь есть над чем поломать голову. Восстановление всех этапов работы Кампанеллы над бессмертным его творением остается важной задачей советских исследователей «Города Солнца».

Вставка, которую мы условно называли «вставкой о сомнениях», вовсе не доказывает, что Кампанелла не понимал сути учения Галилея. Он, как мы имели возможность убедиться, был его страстным приверженцем. Все это еще раз подтверждает, как прав был Л. Амабиле, когда настаивал, что нельзя правильно истолковать труды Кампанеллы без тщательного исследования обстоятельств, связанных с их созданием.

¹²⁹ В. И. Рутенбург. Томмазо Кампанелла. «Город Солнца». — СВ, вып. V, 1954, стр. 314—323; см. также Н. Е. Застенкер, С. Б. Кан, Я. А. Левицкий, С. В. Потемкин, В. И. Рутенбург, Ю. М. Сапрыкин, С. Д. Сказкин. Предшественники научного социализма. — ВИ, 1955, № 6, стр. 123.

Процесс Джордано Бруно и его казнь, а также запрет Коперникова учения, не говоря уже о постоянных гонениях, коим подвергался сам Кампанелла со стороны инквизиции, наложили, по нашему глубокому убеждению, неизгладимую печать на его книги, в частности и на страницы, посвященные космологии.

История, которую мы пытались восстановить, лишний раз убеждает, что Святая служба, эта карающая десница католической церкви, не только почти всю жизнь мучила Кампанеллу в тюрьмах, но и заставляла его «наступать на горло собственной песне». Или, говоря его словами, «очень остерегаться, чтобы необдуманно не отходить от общего мнения»¹³⁰. Ведь в мире, который стал безумным, писал Кампанелла в другом месте, «мудрецы, намереваясь его излечить, вынуждены говорить, поступать и жить, как безумцы, хотя в тайниках души они и держатся иного мнения»¹³¹.

¹³⁰ T. Campanella. *Realis philosophiae...*— Praefatio Tob. Adami; ср. Castelli, I, p. 167.

¹³¹ T. Campanella. *Tutte le opere*, vol. I, p. 28.